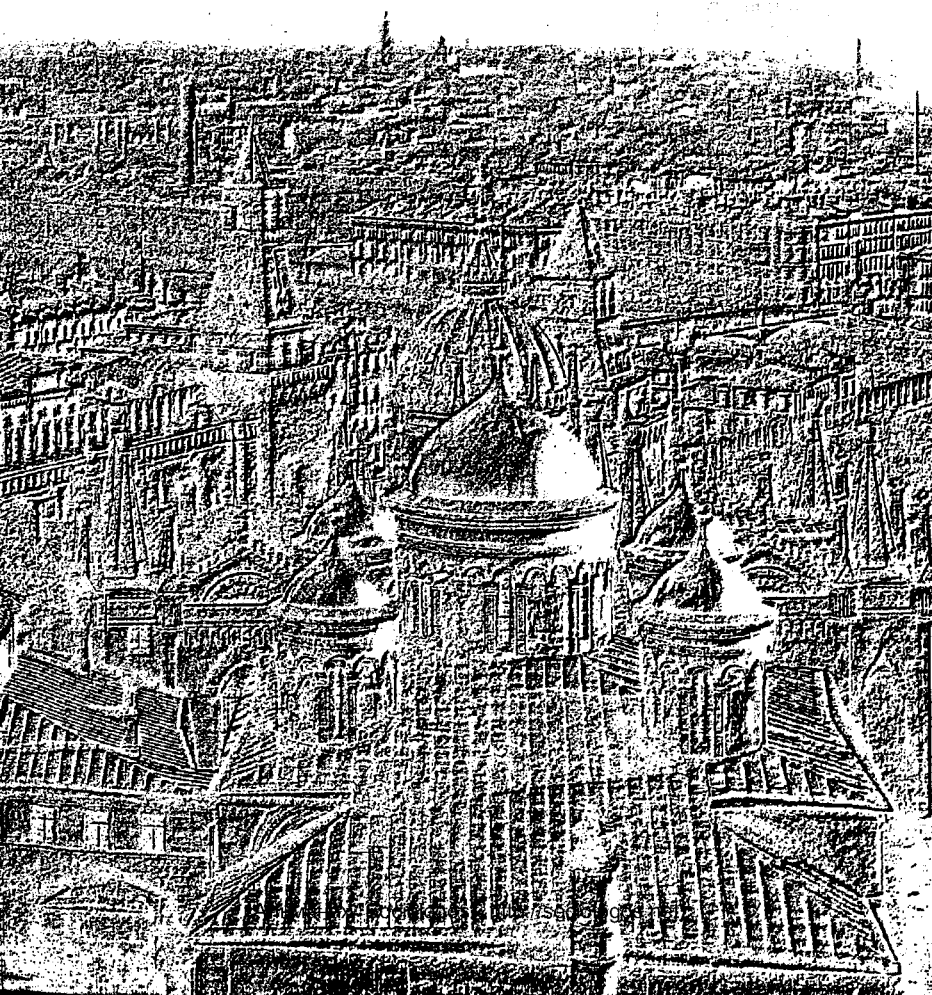

О. Е. Трущенко

ПРЕСТИЖ ЦЕНТРА

ГОРОДСКАЯ СОЦИАЛЬНАЯ
СЕГРЕГАЦИЯ В МОСКВЕ

Российско-французский центр
социологических исследований

О. Е. Трущенко

ПРЕСТИЖ ЦЕНТРА

**Городская социальная
сегрегация в Москве**

Москва-1995

**Книга публикуется при финансовой поддержке
Российского Фонда Фундаментальных Исследований
(инициативный научный проект 93-06-10177)**

Трущенко О. Е. Престиж Центра: Городская социальная сегрегация в Москве — М.: Socio-Logos, 1995. — 112 с.

Книга вводит читателя в проблематику городской социальной сегрегации.

Излагается социологическая концепция престижных адресов как продуктов обособленного расселения социально господствующих групп.

Анализируются тенденции социальной сегрегации в Москве в досоветский и советский период. Основное внимание уделено определившей престиж Центра динамике социального состава населения в черте Садового кольца за последние тридцать лет.

Книга адресована социологам, социальным географам и другим специалистам, занимающимся проблемами Москвы.

Редактор *Галамага А.А.*

Художественно-технический редактор *Романов Д.С.*

© О. Е. Трущенко

© Издательство "Socio-Logos"

ISBN 5-86942-009-1

Содержание

Введение

Городская социальная сегрегация.....	5
Престижный адрес: социологическая трактовка.....	7
Городское пространство и социальное пространство.....	10

Часть I

Исторические тенденции городской социальной сегрегации в Москве.....	15
--	----

Глава I

Тенденции социального разделения столичного пространства в досоветскую эпоху.....	17
От Ивана Калиты до Петра I: XIV-XVII века.....	19
От Петра I до Екатерины II: конец XVII — конец XVIII века.....	23
Вослед "золотому веку" дворянства: конец XIX — начало XX века.....	30

Глава II

Тенденции социального разделения столичного пространства в советскую эпоху.....	39
На заре Советской власти: год 1923.....	40
На закате Советской власти: год 1989.....	48

Часть II

Престиж Центра	57
-----------------------------	----

Глава III

Центр на социальной карте Москвы к началу 70-х годов	59
---	----

Вклад Центра в позицию социального превосходства	60
---	----

Концентрация господствующих групп в черте Садового кольца	65
--	----

Глава IV

“Обуржуазивание” и “пролетаризация” Центра в 70-е — 80-е годы	79
--	----

Социальный передел реконструированного жилья в Центре	80
--	----

Социальный передел столичного пространства	86
---	----

Концентрация низших слоев рабочего класса в Центре	92
---	----

Заключение	107
-------------------------	-----

Введение

Городская социальная сегрегация

Понятие городской сегрегации в западных социологических традициях, откуда оно заимствовано автором, имеет двоякий смысл. В узком понимании городская сегрегация означает политику расовой дискриминации, которая ограничивает свободу выбора места жительства внутри городского поселения, приводит к разделению кварталов на “белые” и “черные”. В широком смысле понятие городской сегрегации подразумевает, что свобода выбора места жительства ограничена социально. В городском пространстве одни социальные группы оказываются отделенными от других более или менее явным образом. Морфология их расселения в главных чертах отражает различия внутри самого общества, стратификацию, иерархию. Социальные деления городского пространства между разными по своему общественному положению группами несут в себе силу принуждения, обусловленную объективными отношениями неравенства.

В зарубежных исследованиях по городской социальной сегрегации представлено многообразие теоретических подходов, тем, методик. Но познавательные горизонты проблематики заданы двумя главными предпосылками, которые не вызывают разноречий: изучением социальных различий, социальных неравенств,

социальных иерархий в их специфически пространственном выражении; признанием самих социальных различий, неравенств, иерархий как данности, не подлежащей сомнению в социологических видениях мира.

Последнее обстоятельство объясняет, почему тематика городской социальной сегрегации была чужда отечественной социологии и почему автор обращается к западной социологической традиции, а именно французской, не найдя предшественников, на труды которых мог бы опереться, изучая соответствующие вопросы применительно к Москве.

Понятий социального неравенства, социальной иерархии, социального господства не существовало в социологических моделях советского общества. В условиях идеологизации общественных наук речь шла лишь о социальной дифференциации как исторически проходящем явлении и естественном следствии разделения труда в неантагонистическом обществе. Вопросы социально-территориальной дифференциации населения городов не пользовались популярностью у социологов. Исследования носили единичный характер [1,2], а социально-территориальная дифференциация населения Москвы изучалась лишь выборочно, и сделано это было не социологами, а географами [3]. Авторы этих немногочисленных работ оказывались солидарными в своих выводах: в капиталистическом мире социальная неоднородность городского расселения возникает на базе социального неравенства, тогда как в основе социально-территориальной неоднородности в социалистическом городе лежат демографические характеристики населения, давность освоения территории, размещение мест приложения труда и т. п.

Мифологизация социальной сути пространственных различий выливалась в перевернутые представления отечественных исследователей о причинах престижности внутригородского расселения. Престиж районов рассматривался ими безотносительно к особенностям территориального распределения городских обитателей, разнящихся своими объективными социальными характеристиками и положением в общественной иерархии. Результаты же опросов и обследований показывали, что “на уровень престижности влияют в первую очередь такие факторы как тип застройки, развитость сферы услуг, близость центра, ландшафтно-экологические условия” [4]. Престижность причислялась к прочим свойствам городской среды, совершалось то, что Пьер Бурдьё называет занесением социальных реальностей в физический мир: “В иерархизированном обществе не существует пространства, которое не было бы иерархизировано и которое не выражало бы иерархии и социальные дистанции в более или менее деформированном и, в особенности, замаскированном виде посредством действия натурализации, вызывающей устойчивое занесение социальных реальностей в физический мир. Различия, произведенные посредством социальной логики, могут, таким образом, казаться рожденными из природы вещей” [5, с. 36].

Престижный адрес: социологическая трактовка

Анализ процессов городской социальной сегрегации, которые в своей совокупности определяют нынешний исключительный престиж столичного Центра

— жилых кварталов и адресов в черте Садового кольца, является главной сюжетной линией книги. В своем исследовании автор руководствовался социологической концепцией престижного адреса, позаимствованной в работах французских социологов Мишеля Пэнсона и Моник Пэнсон-Шарло [6,7]*. Они рассматривают престижные адреса как специфические социальные блага — продукты городской социальной сегрегации и составные условия социального воспроизводства господствующих классов.

Трактовка социального смысла престижного адреса, предложенная М. Пэнсоном и М. Пэнсон-Шарло, основана на изучении особенностей расселения и образа жизни групп, которые занимают самое видное положение в современном французском обществе, — парижской, то есть столичной, высшей аристократии и потомственной крупной буржуазии. Выяснилось, что господствующие классы столь же мало, как и остальные, могут избежать принуждения, заключенного в социальной логике городской сегрегации. Для них, полностью свободных от экономических стеснений, специфика жестких ограничений в выборе места жительства состоит в необходимости поддерживать свое общественное положение.

* Исследование выполнено автором в Институте социологии Российской Академии Наук в рамках планового научно-исследовательского проекта “Символическая ценность городского пространства” и проекта “Социальное значение дифференциации городской среды” при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (код проекта 93-06-10177), в сотрудничестве с французскими социологами Мишелем Пэнсоном и Моник Пэнсон-Шарло из парижского Центра социологии города (Институт исследований современных обществ — Национальный Центр Научных Исследований).

Социальное воспроизводство господствующих групп невозможно без признания их превосходства. Для того, чтобы внушать представления о своем высочайшем положении в обществе, требуется обладать “прекрасным” адресом в ряду прочих символических благ. Символические блага — это социальные знаки, которые демонстрируют превосходство тех, кто ими располагает, и непреодолимую дистанцию между ними, избранными, и остальными. Исключительно престижные адреса выступают продуктом расселения социальных групп, чье высокое положение не вызывает сомнения в его легитимности и которые всегда стремятся к пространственной близости только с равными себе, располагая властью держать на расстоянии тех, кто ниже. Находясь на вершине общественной иерархии, они передают городской среде, ими созданной, свое “оправданное благородство” и “удостоверенную подлинность принадлежности к универсуму за рамками обычного” [7, с. 8], порождая коллективные представления о символической ценности пространства, о непревзойденной репутации места жительства.

Исследователи оперируют понятием престижного адреса, которое можно уподобить “идеальному типу”: символическая ценность местоположения в географическом пространстве города описывается в том чистом виде, в каком она выступает в отчетливо стратифицированном и жестко иерархизированном социальном мире. Такое “идеально-типическое” понятие престижного адреса представляется одним из необходимых познавательных инструментов при анализе социально-пространственных делений в постсоциалистических городах (в частности, в Москве), которые

многие десятилетия формировались в условиях общества с менее жесткими социальными барьерами и более закамуфлированной социальной иерархией.

Городское пространство и социальное пространство

Итак, для того, чтобы отличаться престижем, адреса должны использоваться в практике расселения социально господствующих групп. Но наряду с этим они должны отчуждаться ими от социально подчиненных групп. Только при двух неразрывных условиях координаты места жительства обретают символическую ценность, иначе говоря — силу различать господствующих, демонстрировать и вынуждать признать социальное превосходство.

Разделение социальных групп в пространстве города никогда не бывает абсолютным. Тем не менее в Париже богатые западные кварталы противостоят пролетарским окраинам востока [8], а в Москве “царские села”, выстроенные как своеобразные слободы номенклатуры, расположены на западе и юго-западе, тогда как районы с максимальной концентрацией рабочих — на юго-востоке.

Городская сегрегация, разводя в пространстве расселения группы, различающиеся социальными свойствами, отражает дистанции между позициями, которые эти группы занимают по отношению друг к другу в обществе, и в первую очередь — основополагающий разрыв между господствующим и подчиненным положением.

Под социальными свойствами автор понимает, согласно Бурдье, активные, действенные свойства, способные придавать их владельцу силу и власть в данном обществе. Эти свойства могут выступать и в форме обладания некими материальными благами, и в форме способностей и знаний, усвоенных индивидом, и в форме коллективной поддержки, которую он получает от группы, и в форме доверия, которое ему оказывают. Эти активные, действенные свойства составляют богатство, или капитал, их индивидуальных и коллективных владельцев. Такие свойства Бурдье именует экономическим, культурным, социальным капиталами и символическим капиталом, который обычно называют именем, престижем, репутацией. Именно в последней форме все другие виды капитала воспринимаются и признаются как легитимные.

Таким образом, следуя Бурдье, можно представить себе социальный мир в форме многомерного пространства, где разные виды капитала задают разные измерения и где сложившееся неодинаковое распределение капиталов между действующими индивидами определяет их отношения как отношения сходства и различия и детерминирует позиции одних групп индивидов по отношению к другим как позиции социального превосходства, социального господства одних над другими. “В той мере, в какой свойства, выбранные для построения пространства, являются активными его свойствами, можно описать это пространство как поле сил, точнее как совокупность объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в это поле и которые несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным взаимодействиям” [5, с. 56].

Городская сегрегация оказывается, по сути, проекцией многомерного социального пространства на плоскость расселения.

Высшую ценность приобретают те городские пространства, где происходит концентрация обладателей экономического, культурного и социального капиталов, лежащих в основе признанного превосходства. Престижные адреса несут в себе символику господства, чаще всего имплицитную, но ничуть не менее насильственную оттого, что не ощущается социальное принуждение, детерминирующее репутацию места жительства. Конечно, нельзя отрицать, что высшая оценка территорий городского расселения зависит от качества жилья, оснащенности социальной и транспортной инфраструктуры, насыщенности объектами культуры и памятниками истории, эстетики природных и архитектурных ландшафтов, экологического благополучия и рекреационного потенциала среды и т. п. Но престиж городских пространств кроется не в их собственных превосходных свойствах, а в признанном господстве тех, кому они достаются в первую очередь или исключительно и чьи частные социальные представления о ценности городской среды принимаются всеми на веру как общезначимые.

Распознать символическое насилие, заключенное в престижном адресе “Москва, Центр...”, — насилие, которое не ощущается как социальное принуждение, заставляющее верить в превосходство Центра, — значит прежде всего поставить под сомнение “само собой разумеющиеся” представления о высшей ценности городской среды в черте Садового кольца. Исходя из это-

го автор анализирует престиж Центра как реальность отношений господства и подчинения, проявляющих себя через городскую социальную сегрегацию в Москве.

Литература

1. Рукавишников В. О. Население города (социальный состав, расселение, оценка городской среды). — М.: Статистика, 1983.
2. Трушков В. В. Население города и пригорода. — М.: Финансы и статистика, 1983.
3. Барбаш Н. Б. Методика изучения территориальной дифференциации городской среды. — М.: Институт географии АН СССР, 1986. — С. 92-102.
4. Портнов Б. А. Городская среда — феномен престижности // Социологические исследования. — 1991. — N 1. — С. 70.
5. Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр./ Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко./ — М.: Socio-Logos, 1993.
6. Pinçon M., Pinçon-Charlot M. Dans les beaux quartiers. Paris, Editions du Seuil, 1989.
7. Pinçon M., Pinçon-Charlot M. Quartiers bourgeois, quartiers d'affaires. Paris, Editions Payot, 1992.
8. Pinçon-Charlot M., Preteceille E., Rendu P. Ségrégation urbaine. Classes sociales et équipements collectifs en région parisienne. Paris, Anthropos, 1986.

Часть I

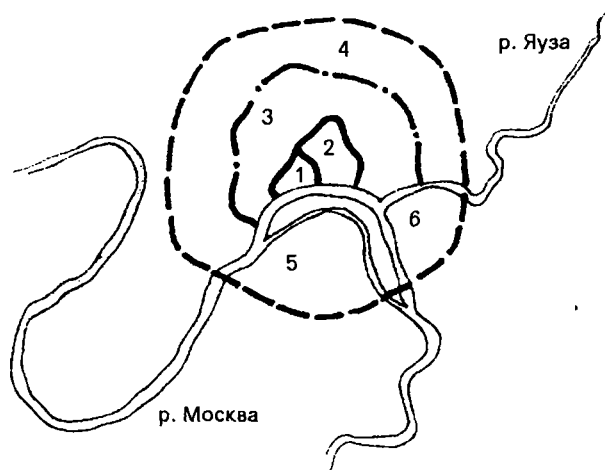
Исторические тенденции городской социальной сегрегации в Москве

Глава I

Тенденции социального разделения столичного пространства в досоветскую эпоху

Территория современного Центра полностью вошла в черту Москвы к концу XVI века — вместе со строительством последней линии городских укреплений (1591-1592), проходившей по современной трассе Садового кольца. Исторически пространство внутри Садового кольца делится на Кремль, Китай-город, Белый город, Земляной город, Замоскворечье и Заяузые (см. рис. 1).

Символическая ценность столичного Центра определено уходит корнями в вековые традиции заселения данной территории правящими сословиями и господствующими социальными группами. В досоветский период история их расселения по Москве в значительной мере творилась теми, кто был облечен высшей, “данной от Бога” властью в государстве — великими князьями, царями, императорами. Первым в этом ряду был Иван Грозный, который в 1564 году учредил опричнину и одновременно объявил своей собственностью в Москве “улицы Чертольскую, Арбатскую с Сивцевым Врагом, половину Никитской с разными слободами, откуда надлежало выслать всех дворян и приказных людей, не записанных в царскую тысячу” [1]. Сегодня границы этой территории очерчены Буль-

1 — Кремль	4 — Земляной город
2 — Китай-город	5 — Замоскворечье
3 — Белый город	6 — Заяузые

- - пределы Кремля и Китай-города
- · - · - - нынешняя трасса Бульварного кольца
- - - - - нынешняя трасса Садового кольца

Рис. 1. Схема территорий г. Москвы в XIV-XVII веках.

варным и Садовым кольцом, улицей Герцена (Никитской) и Кропоткинской набережной. На протяжении многих веков роль социального законодателя столичной сегрегации принадлежала потомственному дворянству. В России это сословие обладало до 1917 года исключительными, “врожденными” привилегиями, закреплявшими на правовой основе его социальное господство. К моменту революций 1917 года пространство нынешнего Центра было местом преимущественного расселения благородного сословия и буржуазии, а социальные верхи сосредоточивались в западной половине Белого и Земляного городов — в Арбатской, Тверской и Пречистенской городских частях. Сегодня им соответствует территория, простирающаяся примерно от улицы Чехова и Пушкинской (Малая Дмитровка и Большая Дмитровка) до Кропоткинской набережной.

От Ивана Калиты до Петра I: XIV-XVII века

В 1147 году, ко времени первого летописного упоминания о Москве, она, как писал историк Забелин, “была еще только княжеским селом, хозяйственным княжеским хутором, а потому все ее население состояло только из одних дворовых слуг князя с ключником или дворецким во главе. Но когда через 10 лет, в 1156 году, князь Юрий Долгорукий или, собственно, Андрей Боголюбский устроил из своего села город, т. е. обнес село крепкими, хотя и деревянными стенами, то это значило, что Москва с той поры становилась уже не княжеским селом, а целым полком княжеской военной дружины. В то время город и дружина, полк были однозначущи... С того времени господствующим насе-

лением города являются уже не княжеские дворовые слуги, но дружинники, дружинное боярское сословие со своими тысяцкими во главе или боярином-воеводою” [2]*.

Меньше чем за два века из городка со второстепенной княжеской резиденцией Москва превращается в столицу Российского государства.

Со времен княжения Ивана Калиты (1325-1340) Москва становится политическим, а с переездом в нее русского митрополита — и духовным центром Руси. Это влечет за собой приток в нее знатных фамилий, удельных князей, бояр, духовенства. В годы правления Ивана III (1462-1505), получившего титул государя всея Руси, Москва становится столицей единого Российского государства и вплоть до начала XVIII века и перенесения официальной столицы в Санкт-Петербург остается главным центром притяжения для высшей знати, верхушки духовенства и богатого купечества.

Исторически первое проявление столичной социально-пространственной сегрегации — противостояние Кремля и Китай-города, великокняжеского, а также митрополичьего дворов и торгово-ремесленного

* Тогда Москва занимала только крайний юго-западный угол теперешнего Кремля, посередине городка стояла деревянная церковь Рождества Иоанна Предтечи, а рядом с церковью — деревянные княжеские “хоромы”. Городок был обнесен деревянными стенами и рвом, его окружали кольцом села и слободки — в Замоскворечье, на Воробьевых горах, в Дорогомилowo, в Кудрино, в Симоново и др. Первоначальная Москва смотрела лицом на юго-запад: главные ворота были приблизительно на месте теперешних Боровицких ворот, церковь и княжеские хоромы были обращены фасадом также на юго-запад, а к восточной стене примыкали службы. [3, с. 10-13].

посада, выросшего под северо-восточными стенами крепости и игравшего к XIV веку важную роль в жизни города. “Замкнутый в себе Китай-город, — писал историк Никольский, — представлял оригинальное целое, во всем отличавшееся от Кремля. Кремль — центр боярства и духовенства, правящих сословий; Китай-город — средоточие посадского торгово-промышленного люда, тяглового сословия...” [3, с. 23].

Средневековое социальное разделение города на западную и восточную часть, по всей видимости, положило начало одной из особенностей столичной сегрегации. На протяжении дальнейшей истории тенденция к социальному противостоянию запада и востока Москвы выражала в пространственных формах дистанцию и противоположность между властвующими и просто-народными слоями общества.

Изначальная социальная противоположность запада востоку, Кремля Китай-городу, по мере роста Москвы повторила себя в полукольце Белого города. В западной части Белого города, в Занеглименье, в XIV веке стоял двор великой княгини и другие дворы, принадлежавшие приближенным к великому князю боярам [4, с. 11], в то время как “восточная сторона Белого города образовалась отчасти из торговых, но более всего из ремесленных слобод” [3, с. 29]. Аналогичные тенденции проявились со временем и в расселении внутри Земляного города: запад заполнялся усадьбами бояр и дворян (здесь же было расположено большинство дворцовых обслуживающих слобод), на востоке преобладали ремесленные слободы [5, с. 13].

С расширением географических границ Москвы и с ростом ее населения основополагающее социальное

разделение столичного пространства стало проявляться уже не только через противостояние запада востоку, но и через противоположность центра окраинам. Вторая особенность социально-пространственного деления столицы выражала себя через тенденцию, в силу которой сначала в Китай-городе, потом в Белом городе дворы слобожан из низших слоев посадского населения последовательно замещались усадьбами знати и богатых купцов. Простые сословия неуклонно вытеснялись на отодвигавшуюся городскую периферию, а привилегированные слои все компактнее селились в разрастающемся центре. В Китай-городе к XVII веку уже прочно утвердилось богатое купечество [6, с. 368]*. В Белом городе во второй половине XVIII века оставалось всего несколько небольших районов, где не преобладали дворянские усадьбы [4, с. 31].

К XVII веку основными пространствами расселения властителей государства и верхушки правящих сословий, боярства и духовенства, оставались Кремль и местности к западу и юго-западу от него в Белом и Земляном городах.

* XVII век стал для Китай-города переломным. За это столетие он теряет свое привилегированное население и превращается в деловой центр столицы. Крупное купечество переселяется жить в Замоскворечье, придавая новый социальный облик бывшему району торговых и ремесленных слобод [3, с. 25].

От Петра I до Екатерины II: конец XVII — конец XVIII века

Годы правления Петра I, прошедшие в Москве, вписали нетрадиционные линии социального деления в ее пространство. Градостроительная деятельность Петра I, связанная с переносом царской резиденции из Кремля в Преображенское, повлекла за собой переселение приближенного к нему дворянства и представителей торгово-промышленной верхушки, пользовавшихся высочайшим покровительством, в столичные и пригородные районы к северо-востоку от Кремля. Северо-восточные сектора Белого и Земляного городов утратили свой простонародный, торгово-ремесленный характер и превратились в кварталы знати и богатого купечества.

“Известно, — читаем в очерке градостроительной истории Москвы, — что Петр еще в молодости, не желая жить в старом городе, устроил свою резиденцию в любимом с детства загородном селе Преображенском. В дальнейшем, построив здесь и в соседнем Семеновском, а затем южнее — в Лефортове регулярно распланированные солдатские слободы, поселив своих офицеров вблизи города между дорогами к этим слободам (Капитанская слобода, позже Новая Басманная улица), поставив на Яузе полотняную фабрику и военный госпиталь, он превратил район к северо-востоку от Москвы, включая Немецкую слободу, в новую и наиболее оживленную часть города. На его главных улицах — Немецкой (Бауманской), Новой и Старой Басманной (улица К. Маркса), а также на ведущих к ним внутри

города Мясницкой и Покровке (улицы Кирова и Чернышевского) — стали селиться самые знатные вельможи, самые богатые фабриканты-кампанейщики. Число каменных палат росло здесь быстрее, чем в старом центре Москвы” [6, с. 127-128].

Решающее влияние оказал Петр I и на расширение пояса дворянской жилой застройки в западной и северо-западной частях Земляного города, происшедшее в XVIII веке.

С переносом по указу Петра I российской столицы в Санкт-Петербург и с переездом в нее царского двора в 1713-1714 годах началось насильственное переселение туда московского дворянства, обязанного служить царю и отечеству. Это привело к значительному упадку и запустению московских кварталов знати. Однако после указа Петра III о дворянских вольностях (1762 г.) и жалованной грамоты дворянству Екатерины II (1785 г.), окончательно освободившей самое привилегированное сословие от обязательной государственной службы, дворянство стало возвращаться обратно в старую столицу.

Возвращалась московская знать, начался приток в город провинциального дворянства из соседних с Москвой губерний, чему способствовали многие обстоятельства. Именно под Москвой были сконцентрированы имения богатейших дворянских родов. В годы царствования Екатерины II Москва стала вторым средоточием придворной жизни. Открытие в 1755 г. Московского университета и гимназии при нем, а затем появление “институтов для благородных девиц” сделало Москву ведущим образовательным центром, где учились дворянские дети обоего пола. Дворянская “тя-

га” создала в Москве зимний сезон, в течение которого старая столица превращалась в главный матримониальный рынок благородного сословия [3, с. 31-32].

В западную часть Земляного города, как описывал Никольский, “в особенности в кварталы, прилегавшие к Пречистенским, Арбатским, Никитским и Тверским воротам, потянулась во второй половине XVIII века дворянская стройка. Все пространство от Пречистенки до Тверской стало поистине дворянским царством” [3, с. 34].

Причина того, что пояс жилых кварталов знати, вытесняя бывшие слободские дворы и уплотняя застройку, двинулся на северо-запад Земляного города, объяснялась новым статусом Тверской улицы. Именно через Тверскую в отсутствие железных дорог проходило сообщение между двумя столицами Российской империи — Санкт-Петербургом и Москвой. Тверская, через которую постоянно следовали торжественные царские выезды, превратилась в главную улицу Москвы. “Улица стала, и прежде всего в переделах Белого города, средоточием наиболее значительных дворцов московской знати” [4, с. 128].

О социальных делениях столичного пространства, сложившихся к концу XVIII века на основе сословного характера расселения, дает представление труд В. Г. Рубана “Описание столичного императорского города Москвы”, изданный в 1782 году. Здесь приведены данные о количестве дворянских, церковнослужительских, разночинских, купеческих, в том числе фабрикантских привилегированных, дворов по Москве в целом и по каждой из 14-ти городских частей [7].

Несложные вычисления позволяют сравнить процентное соотношение дворов в разных городских частях (табл. 1, рис. 2).

Средняя для Москвы доля дворов благородного сословия была превышена в Белом городе (I и II части), в западных частях Земляного города (VI, III, XIV части) и в западной половине Замоскворечья (XI часть). Наибольшая концентрация дворянских домовладений приходилась на юго-западную часть Земляного города, заключенную между Никитской улицей и Москвой рекой (см. III на рис. 2). Напомним, что именно эта территория была в свое время взята Иваном Грозным в опричнину. Привилегированные слои купеческого сословия группировались в восточных частях Белого и Земляного городов (II и VII части), в восточной половине Замоскворечья (XII часть) и в северо-восточных районах Москвы (IX и XIII части). Наименее привилегированным составом обитателей отличались Заяузые и юго-восток Москвы (X часть). Доля дворянских домовладений была здесь минимальна, доля фабрикантских привилегированных дворов была в 2-3 раза ниже, чем в граничащих с ними с юга и с севера частях (XII и IX, XIII части).

Более детальный анализ показывает, что степень пространственной концентрации жилищ благородного сословия коррелирует со степенью представительства в составе их владельцев избранных слоев дворянства.

Дворянство к концу XVIII века было весьма неоднородно. Оно включало в себя и родовое поместное дворянство, и жалованное дворянскими титулами российскими самодержцами, и выслужившее "благородство" на государственной службе [8, с. 23-25]. С введением

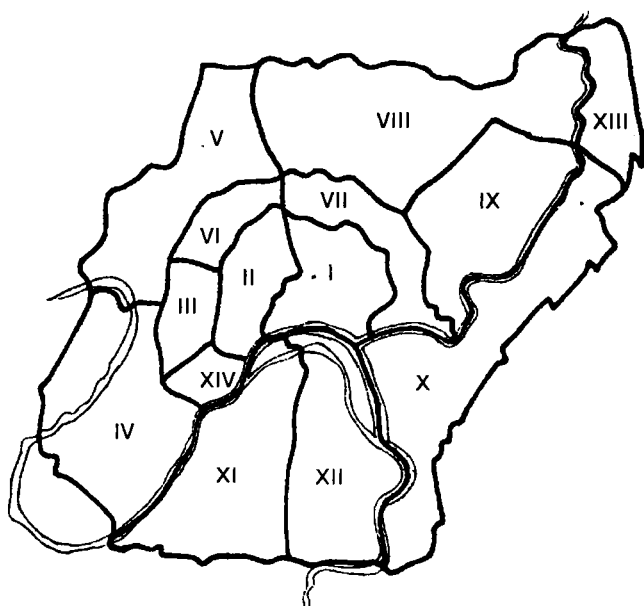

Рис. 2. Схема городских частей Москвы в конце XVIII века. Городская граница с 1742 г. — Камер-Коллежский вал.

по велению Петра I “Табели о рангах всех чинов воинских, статских и придворных” (1722 г.) доступ к дворянскому титулу (личному, а при соответствующей выслуге лет и чинов и потомственному) использовался как основной стимул к государственной службе [9]. Обретение дворянства становилось в принципе доступ-

ным для многих социальных слоев, ранее никогда не поднявшихся бы до благородного и самого привилегированного сословия.

Таблица 1.

Доля (%) дворов (домовладений) представителей различных сословий по городским частям (см. рис.2) и по Москве в среднем в 1782 году

Городские части	Сословия домовладельцев (по В. Г. Рубану)			
	Дворянское	Священное и церковно-служительское	Разночинское	Купеческое (в скобках в том числе фабрикантское привилегированное)
I	30,9	38,5	15,5	15,1 (3,6)
II	48,3	33,6	10,9	7,2 (0,4)
III	57,1	17,1	19,3	6,5 (0,3)
IV	19,0	8,2	62,5	10,3 (0,2)
V	26,0	6,6	53,6	13,8 (0,2)
VI	35,3	15,9	26,9	21,9 (1,3)
VII	25,9	10,2	42,6	21,3 (2,8)
VIII	19,1	6,1	46,0	28,8 (1,9)
IX	22,8	4,7	56,3	16,2 (3,5)
X	9,7	8,8	53,5	28,0 (1,3)
XI	40,4	13,2	23,3	23,1 (1,5)
XII	16,2	11,9	27,8	44,1 (3,8)
XIII	9,7	7,6	56,7	26,0 (3,1)
XIV	50,5	15,9	27,7	5,9 (0,0)
Москва в среднем	27,0	13,1	40,0	19,9 (1,8)

В руках родовой знати концентрировался символический капитал, который обеспечивало превосходство по времени принадлежности к господствующему сословию. Как писал историк Карнович, “у нас на Руси, как это, впрочем, было и во всей Западной Европе, древность дворянского рода считалась, да и ныне считается выше нового почетного титула. Это проистекает из той мысли, что титул может получить каждый простолюдин, тогда как дать “благородных” предков лицу, не имеющему их по рождению, не в состоянии никакая власть, как бы могущественна она ни была” [10].

Потомственное дворянство в крепостнической России имело отличающую “благородных” привилегию, о которой следует сказать особо. “Из целого ряда прав и привилегий, предоставлявшихся дворянству до-реформенным законодательством, — пишет историк Корелин, — одним из важнейших являлось право владения населенными имениями. Владение поместьями, вотчинами, крепостными крестьянами, вначале на условиях несения государственной службы, а затем и безусловное являлось вплоть до 1861 г. почти исключительной привилегией потомственных дворян... Закон, разрешавший без каких-либо существенных ограничений залог, куплю-продажу ненаселенных земель (пустошей), не представлявших без крепостных особой ценности, отчуждение населенных имений допускал только в руки потомственных дворян” [8, с. 52]. Тем самым звание потомственного дворянина означало юридически гарантированное “врожденное” социальное свойство быть господином другому человеку.

Родовая знать отличалась от служилого и жалованного дворянства тем, что она в самой полной мере

обладала этим исключительным качеством. Самой аристократической частью Москвы, где в конце XVIII — начале XIX века концентрировались усадьбы родовой знати, был “район Москвы, обнимающий пространство от Кремля веером по Белому и Земляному городу, захватывая улицы Волхонку, Остоженку, Пречистенку, Знаменку и Воздвиженку, Арбат, Молчановки, Поварскую, обе Никитские, Спиридоньевскую с прилегающими переулками и бульварами” [11]. По данным В. Г. Рубана, именно на этот район приходилась и наибольшая концентрация дворянских дворов.

Вослед “золотому веку” дворянства: конец XIX — начало XX века

Спустя век после выхода труда В. Г. Рубана, в 1882 году перепись населения Москвы свидетельствовала, что в основных своих чертах социальное деление столичного пространства, характерное для “золотого века” дворянства (от указа Петра III о дворянских вольностях в 1762 году до отмены Александром II крепостного права в 1861 году), сохраняло устойчивость. Максимальная концентрация благородного сословия приходилась на западную половину Белого и Земляного городов, минимальная — на Заязье.

Поскольку в России вплоть до 1917 года существовал и был законодательно закреплён сословный строй, во всех дореволюционных переписях населения ставился вопрос о сословии. Самым привилегированным и могущественным сословием оставалось к концу XIX века потомственное дворянство, а самым непривилегированным и угнетённым — крестьянство. Сравнив

долю представителей этих двух сословий в населении различных городских частей, получим общую картину столичной сегрегации на конец XIX века (табл. 2).

Пять из семнадцати городских частей (см. рис. 3) — Арбатская, Пречистенская, Тверская, Басманная и Яузская — отличались повышенной долей потомственного дворянства в их населении (от 5,6 до 12,5%) по сравнению со средним показателем по Москве (4,7%). Обратим внимание на то, что в окраинной юго-западной части — Хамовнической — доля благородного сословия немного выше, чем по Москве в среднем. Двигаясь дальше по часовой стрелке вдоль периферийных частей, видим, как этот показатель падал постепенно с 4,3% в Пресненской части до 4,2% в Суцевской, 3,6% в Мещанской, 3,0% в Лефортовской, достигая минимальных значений в юго-восточной Рогожской части (1,4%), южной Пятницкой (1,5%) и Серпуховской (1,8%). Напротив, Лефортовская, Рогожская, Пятницкая и Серпуховская части отличались повышенной долей крестьянского сословия в их населении, которая составляла здесь от 54,5 до 59,8%, по сравнению со средней по Москве, равной 49,2%.

Что касается степени концентрации потомственного дворянства в столичном пространстве расселения, то, по данным той же переписи 1882 г., 40% всех потомственных дворян проживало всего в трех частях: Тверской (14,8%), Пречистенской (12,7%) и Арбатской (12,5%). В любой другой из городских частей концентрация потомственного дворянства падала в 2 раза и более, достигая минимума в Заяузье и Замоскворечье с приле-

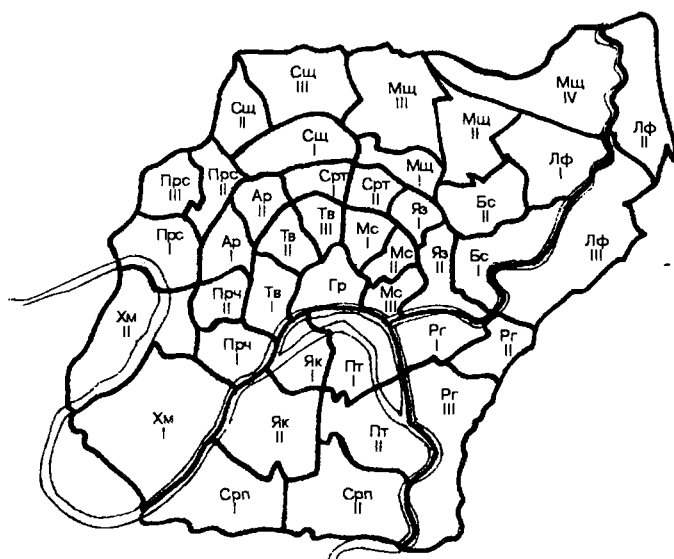
гающими окраинами — Рогожская, Пятницкая, Якиманская, Серпуховская части (рассчитано на основе данных таблицы, помещенной в [12]).

Таблица 2.

Соотношение представителей сословий потомственного дворянства и крестьянства в населении городских частей в 1882 году (в %). Данные рассчитаны по таблице, приведенной в [12].

Городские части	Доля потомственных дворян	Доля крестьян
Городская	1,3	53,0
Тверская	8,8	42,7
Мясницкая	3,7	46,0
Пречистенская	12,4	38,3
Арбатская	12,5	37,8
Сретенская	4,0	44,4
Яузская	5,6	45,2
Хамовническая	4,9	57,4
Пресненская	4,3	47,6
Сущевская	4,2	48,0
Мещанская	3,6	48,1
Лефортовская	3,0	59,8
Басманная	7,8	47,8
Рогожская	1,4	55,3
Якиманская	2,3	47,3
Пятницкая	1,5	54,5
Серпуховская	1,8	59,1
Москва в среднем	4,7	49,2

В канун революций 1917 года самое привилегированное сословие по-прежнему концентрируется в Пречистенской, Арбатской и Тверской частях. Но теперь наряду с ним сюда стягиваются и буржуазные верхи.

Гр	— Городская	Сщ	— Суцеская
Тв	— Тверская	Мщ	— Мещанская
Мс	— Мясницкая	Лф	— Лефортовская
Прч	— Пречистенская	Бс	— Басманная
Ар	— Арбатская	Рг	— Рогожская
Срт	— Сретенская	Як	— Якиманская
Яз	— Яузская	Пт	— Пятницкая
Хм	— Хамовническая	Срп	— Серпуховская
Прс	— Пресненская		

Рис. 3. Схема городских частей Москвы в конце XIX — начале XX века.

Чтобы проиллюстрировать это утверждение с цифрами в руках, обратимся к справочнику “Вся Москва на 1917 год” [13]. Учтем, что в то время существовала корпоративная организация дворянского сословия и дворянские собрания объединяли только потомственных дворян и предоставляли право голоса на выборах только тем, кто обладал достаточно высоким имущественным цензом или занимал достаточно высокие государственные должности [8, с. 132-140]. Эти обстоятельства позволяют рассматривать помещенный в справочнике список предводителей дворянства, их помощников, кандидатов в предводители и депутатов от дворянства как своеобразную целевую выборку, репрезентирующую высшие слои московского дворянства, сочетавшего знатность с богатством, образованностью, высокими государственными и придворными чинами [13, с. 27-28]. Список невелик, всего 40 человек, но распределение их московских адресов, приведенных в другом разделе справочника, очень красноречиво. На Арбатскую часть приходится 25,7%, на Пречистенскую — 22,9%, на Тверскую — 14,3%, а на три эти части в сумме — 62,9% адресов (см. рис. 3). Таким образом, почти две трети наиболее могущественных дворянских фамилий проживали компактно в юго-западных, западных и северо-западных кварталах Белого и Земляного городов.

Эти же кварталы были предметом устремлений буржуазных магнатов. Цвет российского предпринимательства объединяло Московское биржевое общество, список выборных членов которого также помещен в справочнике “Вся Москва на 1917 год” [13, с. 158-159]. Анализ 120 адресов показывает, что в канун революций

в столице семейства крупной буржуазии селились в основном на северо-востоке нынешнего Центра (Яузкая и Басманная части) и в западной его половине (Пречистенская, Арбатская, Тверская части). В совокупности на пять указанных частей приходится 63% адресов членов Московского биржевого общества: 25% — на Яузкую и Басманную части, 38% — на Пречистенскую, Арбатскую, Тверскую (см. рис. 3).

Таблица 3.

Доля (%) рабочих торгово-промышленных предприятий в самостоятельном населении Москвы и ее частей и участков в 1902 году (составлена на основе данных, приведенных в [14, с. 55; 15, с. 10])

Городская	44,5	Сущевская II	46,3
Тверская I	22,8	Сущевская III	50,2
Тверская II	42,1	Мещанская I	38,1
Тверская III	43,9	Мещанская II	60,7
Мясницкая I	35,1	Мещанская III	45,0
Мясницкая II	35,9	Мещанская IV	31,5
Мясницкая III	21,8	Басманная I	40,6
Пречистенская I	28,7	Басманная II	57,8
Пречистенская II	29,4	Лефортовская I	56,0
Арбатская I	21,6	Лефортовская II	71,4
Арбатская II	29,8	Лефортовская III	39,0
Сретенская I	37,6	Рогожская I	42,9
Сретенская II	45,4	Рогожская II	52,9
Яузкая I	27,1	Рогожская III	54,1
Яузкая II	30,0	Якиманская I	47,2
Хамовническая I	46,1	Якиманская II	41,1
Хамовническая II	49,4	Пятницкая I	46,3
Пресненская I	57,8	Пятницкая II	67,6
Пресненская II	41,3	Серпуховская I	39,0
Пресненская III	52,5	Серпуховская II	50,2
Сущевская I	42,5	Москва в среднем	40,3

Картину социального деления пространства в до-революционной Москве логично завершить сведениями о расселении рабочего класса. Такие данные содержатся в статистическом атласе Москвы 1911 года [14]. Рабочий класс практически единственный из городских слоев сохранил свою социальную преемственность с последующей сменой государственного строя. Особенности его распределения в городском пространстве до и после революций 1917 года проливают свет на соответствующие позиции этой группы в социальном пространстве.

По данным городской переписи 1902 года, положенным в основу атласа, в среднем по Москве доля рабочих торгово-промышленных предприятий в самостоятельном населении* составляла 40,3% [15, с. 10]. В населении городских частей, расположенных внутри Садового кольца, процент рабочих колебался в диапазоне от 21,6% (Арбатская I) до 47,2% (Якиманская I). Наиболее свободными от рабочего населения были Пречистенская и Арбатская части, I участок Тверской, III участок Мясницкой и I участок Яузской частей, где отношение его ко всему самостоятельному населению не превышало 22-30% (см. табл. 3 и рис. 3). Максималь-

* Самодеятельным населением считались "лица, имеющие сами какое-либо личное занятие, службу, заработок и т. п. и существующие без непосредственной помощи других лиц или если и пользующиеся их поддержкой, то живущие от них отдельно и более или менее самостоятельно". Несамостоятельным населением считались "лица, живущие при главе семьи или родственниках, не имеющие личного заработка или дохода и получающие средства существования всецело от лиц первой категории" [15, с. 2].

ный процент рабочих приходился на восточные и юго-восточные пригороды — Благушу (74,2%) и Симоновскую слободу (77%) [14, с. 56].

Подытоживая краткий рассказ о тенденциях социального разделения столичного пространства в досоветскую эпоху, следует отметить существенное обстоятельство. С XIV века территория современного Центра последовательно заселялась правящими сословиями и привилегированными слоями. Хотя этот процесс развивался на фоне сохранявшейся социальной неоднородности населения и к 1917 году не охватил Замоскворечье и Заяузые в той же мере, что Белый и Земляной город, изменение социального состава обитателей в течение нескольких веков шло в конечном итоге по восходящей — к его "облагораживанию" и "обуржуазиванию". Части города, населенные изначально простонародными слоями, становясь парадными, аристократическими и богатыми кварталами, сохраняли свою символическую ценность и не претерпевали необратимых социальных превращений при смене городской застройки.

Литература

1. Карамзин Н. М. История государства Российского. В 2-х томах. — Л.: Худ. лит., 1984. Т. 2. — С. 274.
2. Забелин И. Е. История города Москвы./ Репринтное воспроизведение издания 1905 года./ — М.: Столица, 1990. — С. 66-67.
3. Никольский Н. М. Исторический очерк // По Москве./Репринтное воспроизведение издания М. и С. Сабапниковых 1917 года./ — М.: Изобразительное искусство, 1991.
4. Памятники архитектуры Москвы. Белый город. — М.: Искусство, 1989.

5. Памятники архитектуры Москвы. Земляной город. — М.: Искусство, 1989.
6. Памятники архитектуры Москвы. Кремль. Китай-город. Центральные площади. — М.: Искусство, 1983.
7. Рубан В. Г. Описание императорского столичного города Москвы. — М.: Книга, 1989. — Факс. воспроизведение изд.: СПб., 1782.
8. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861-1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. — М.: Наука, 1979.
9. Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры, ордена в Российской империи. — Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1991. — С. 18.
10. Карнович Е. П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. — М.: Бимпа, 1991. — Репринтное воспроизведение изд.: Спб., Суворин, 1886. — С. 185.
11. По дворянской Москве // По Москве. /Репринтное воспроизведение издания М. и С. Сабашниковых 1917 года./ — М.: Изобразительное искусство, 1991. — С. 325.
12. Перепись Москвы 1882 года. Вып. III. Население и занятия (по частям и участкам). — М.: Моск. гор. управа. Стат. отд., 1886. — С. 20-25.
13. Вся Москва на 1917 год. — М.: Изд-во тов-ва Суворина "Новое время", 1917.
14. Статистический атлас города Москвы. — М.: Моск. гор. управа. Стат. отд., 1911.
15. Главнейшие данные переписи г. Москвы 31 января 1902 г. Вып. VI. Население Москвы по занятиям. — М.: Моск. гор. управа. Стат. отд., 1907.

Глава II

Тенденции социального разделения столичного пространства в советскую эпоху

Революции 1917 года в России, свержение царизма, а затем буржуазного правительства, приход большевиков к власти и трансформация социально-классового строения общества нашли отражение в социальных делениях столичного пространства. В 1918 году в Москву была “временно” перенесена столица Советской России. В бывших кварталах богатой аристократии и крупной буржуазии стала селиться высшая прослойка советского партийного и государственного аппарата. Рабочий класс, как и до революции, концентрировался на восточных и юго-восточных окраинах Москвы, но в черте Садового кольца доля его снизилась. В советскую эпоху роль социального законодателя столичной сегрегации принадлежала номенклатуре, чьи исключительные привилегии и само существование, в отличие от правящего дворянского сословия в старой России, были окутаны завесой секретности. Легитимность социальному господству номенклатуры придавали не юридические кодексы, а делегирование “Партии” верховных полномочий “Народом”, которому согласно коллективным убеждениям принадлежала вся власть в государстве. На протяжении советского периода в столич-

ном расселении воспроизводились основополагающие тенденции социального противостояния запада востоку, а точнее юго-запада юго-востоку, и центра окраинам. К концу 80-х годов городские резиденции представителей высших эшелонов номенклатуры сосредоточивались в западной половине столичного Центра, рабочий класс концентрировался на юго-восточной периферии столицы.

На заре Советской власти: год 1923

Данные переписи населения Москвы 1923 года свидетельствуют о том, что со сменой действующих лиц практически не изменились дореволюционный рисунок социальной сегрегации столичного пространства и расположение районов, где селились высшие и низшие слои общества. Места компактного проживания самых привилегированных после 1917 года социальных групп могут быть прослежены с помощью статистической категории “администрация и суд”, выделенной в составе более укрупненной группировки “служащие” при разработке данных переписи 1923 года.

Статистическая категория “администрация и суд” объединяла советские руководящие политико-административные и хозяйственные кадры и включала: членов Советов, президиумов и коллегий центральных, областных и губернских учреждений, комиссаров; начальников управлений, заведующих отделами, подотделами и секциями и их помощников; управляющих и директоров торгово-промышленных предприятий; администрацию уездную, волостную, городскую, членов волостных и сельских исполкомов; членов фабкомов,

месткомов, ячеек и пр.; дипломатов и консулов иностранных держав; членов судов, прокуратуры, следователей, народных судей, судебных исполнителей [1, с. 26].

Рассчитав долю тех, кто подпадает под категорию “администрация и суд”, в населении административных районов Москвы, получаем следующие соотношения по районам Москвы на 1923 год (названия районов приведены в орфографии того времени): Замоскворецкий — 1,4%; Хамовнический — 4,2%; Красно-Пресненский — 2,3%; Сокольнический — 2,1%; Баумановский — 2,1%; Рогожско-Симоновский — 1,2%; Москва в среднем — 2,1% (см. рис. 4). В самостоятельном населении* Хамовнического района доля лиц, относящихся к категории “администрация и суд”, была в 2,5 раза выше, чем в среднем по Москве. Разрыв между максимальной (в Хамовническом) и минимальной (в Рогожско-Симоновском) долями данной категории в населении районов составлял 3,5 раза (рассчитано на основе данных таблицы “Население г. Москвы по переписи 15 марта 1923 года по отделениям милиции с указанием главных занятий и социального положения”, помещенной в [1, с. 36-45]).

За общими цифрами по районам, которые в целом отражают пространственное соотношение привилегированных и непривилегированных мест расселе-

* Самодеятельным населением считались лица, которые имели занятия “дающие средства к существованию, или лица, живущие на средства государственных и общественных учреждений, на нетрудовые доходы, деклассированное население, а также безработные”. Лица, “занятые в своем домашнем хозяйстве”, “живущие на средства родных и вообще частных лиц и не имеющие своего заработка”, считались несамодеятельным населением [1, с. 2].

ния, стоят еще более существенные различия внутри районов, о чем свидетельствует анализ статистических данных, сгруппированных по 49-ти отделениям милиции. Если в Хамовническом районе на территории различных отделений милиции доля изучаемой категории колебалась в интервале от 5,4% до 1,3% , то в Красно-Пресненском разрыв составлял от 5,6% до 0,3%, то есть разница была почти двадцатикратной [1, с. 36-45].

В большей или меньшей степени социальная контрастность расселения была характерна для всех районов. Например, в Рогожско-Симоновском районе на территории одного из отделений милиции доля изучаемой категории достигала 2,2% при минимальном показателе для этого района — 0,4%. Отделения милиции, на территории которых в первую очередь концентрировалась изучаемая социальная категория, были локализованы в центральных частях административных районов, клиньями разрезавших город. И наоборот, отделения милиции с минимальной долей данной социальной категории были расположены на окраинах города. Данные о наиболее густо населенных социально привилегированной категорией территориях (по отделениям милиции) приведены в табл. 4, а расположение отделений милиции отмечено на рис. 4 кружками. Обратим внимание на то, что на территории двух районов — Замоскворецкого и Рогожско-Симоновского — даже в их центральных частях (Замоскворечье и Заяузье) не наблюдалось зон скопления высшей партийно-государственной прослойки.

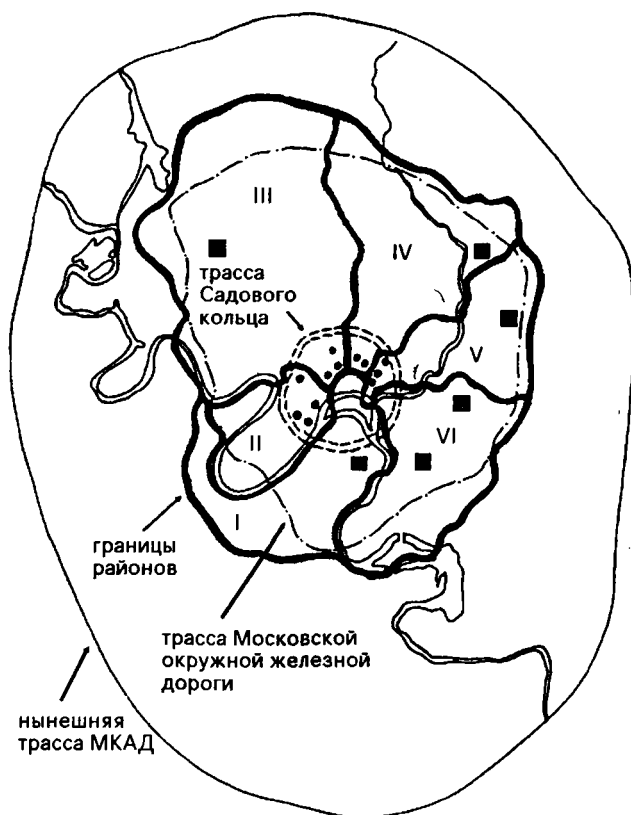
Итоги городской переписи 1923 года свидетельствуют о том, что даже после радикального жилищного передела, а именно после экспроприации в 1918-1920

годах крупных домов, после так называемого уплотнения квартир буржуазии и переселения туда рабочих с семьями из коечно-каморочных квартир и подвалов [2], концентрация рабочих в пределах Садового кольца, тем не менее, оставалась минимальной, а присутствие в том же ограниченном пространстве руководящих работников только что народившегося советского партийно-государственного аппарата было уже максимальным.

Таблица 4.

Доля (%) категории "администрация и суд" в составе самостоятельного населения, проживавшего на территории отделений милиции в 1923 году

Отделение милиции	Адрес отделения милиции	Доля категории	Административный район
26	Столешников пер.	5,6	Красно-Пресненский
9	Столовый пер.	5,4	Хамовнический
47	Б.Харитоньевский пер.	4,9	Баумановский
48	ул.Мархлевского	4,9	Сокольнический
46	Леонтьевский пер. (ул.Станиславского)	4,8	Красно-Пресненский
12	М.Успенский пер. (М.Могильцевский пер.)	4,6	Хамовнический
8	Б.Знаменский пер. (ул.Грицевец)	4,5	Хамовнический
45	Курсовой пер.	4,1	Хамовнический
15	Дегтярный пер.	4,0	Красно-Пресненский
40	Трехсвятительский пер. (Боярский пер.)	4,0	Баумановский
39	Армянский пер.	3,7	Баумановский
31	Рождественский бул.	2,9	Сокольнический

I	— Замоскворецкий	IV	— Сокольнический
II	— Хамовнический	V	— Баумановский
III	— Красно-Пресненский	VI	— Рогожско-Симоновский

Рис. 4. Схема административных районов г. Москвы на 1923 год.

По данным переписи, в 1923 году доля рабочих в самостоятельном населении составляла в среднем по Москве 28,2% [3, с. 15]. Наименьшая доля рабочих отмечалась в черте Садовых, исключая Замоскворечье и Заяузье, где на территории всех отделений милиции процент рабочих не достигал 20 (в отличие от дореволюционного времени, когда на отдельных участках в Белом и Земляном городе процент рабочих превышал средние показатели по Москве) и где в совокупности проживало 15,3% всех рабочих [3, с. 18-19]. В этой же самой части города, где доля рабочих колебалась от 10 до 19%, везде была превышена средняя для Москвы (2,1%) доля категории “администрация и суд” в занятом населении, доходя до 5,6%, а в совокупности здесь проживало 55,1% лиц данной группы (рассчитано на основе данных таблицы, помещенной в [1, с. 36-45]). Высший процент рабочих, как и до революции, оказывался на восточных и юго-восточных окраинах Москвы. В Богородском (38 о/м), Благуше (37 о/м), бывшем Ново-Андроньевском (43 о/м) и Симоновском (44 о/м) комиссариатах, а также в бывшем Пятницком II комиссариате (3 о/м) и Всехсвятском (22 о/м) рабочие составляли 45% и более по отношению к самостоятельному населению, и на территории этих шести отделений милиции насчитывалось столько же рабочих, сколько в пятнадцати отделениях центра (без Замоскворечья и Заяузья) — 15,3% [3, с. 19]. Данные о наиболее густо населенных рабочими территориях отделений милиции приведены в табл. 5, а расположение отделений милиции отмечено на рис. 4 квадратами.

Таблица 5.

Доля (%) категории "рабочие" в составе самостоятельного населения, проживавшего на территории отделений милиции в 1923 году

Отделение милиции	Адрес отделения милиции	Доля категории	Административный район
38	Б.Богородская ул. (Краснобогатырская ул.)	60,9	Сокольнический
37	Измайловское ш.	57,8	Баумановский
43	Коломенка ул. (Рабочая ул.)	52,3	Рогожско-Симоновский
44	Спасская застава (пл. Крестьянской заставы)	48,0	Рогожско-Симоновский
3	Валовая ул.	46,5	Замоскворецкий
22	с.Всехсвятское	45,9	Красно-Пресненский

Более точное представление о картине столичной сегрегации первых лет советской власти дает анализ особенностей территориальной привязки ведомственного жилья высших эшелонов советского партийно-государственного аппарата. Справочник "Вся Москва на 1923 год" приводит адреса Домов Советов, которые и составляли означенный жилой фонд [4] (табл. 6).

Приведенный перечень свидетельствует о том, что почти все Дома Советов разместились в прежних буржуазно-аристократических кварталах столицы, а высшая партийно-государственная прослойка сконцентрировалась там, где раньше господствовали самые знатные дворянские фамилии и обладатели крупнейших торгово-промышленных и банковских капиталов.

Таблица 6.

Адреса Домов Советов на 1923 год и их административные атрибуты

Номер Дома Советов	Адрес	Отд. милиции	Административный район	Городская часть (до 1917 г.)
1-ый	Бывшая гостиница "Националь"	46	Красно-Пресненский	Тверская
2-ой	Бывшая гостиница "Метрополь"	26	Красно-Пресненский	Городская
3-ий	Божедомский пер., 1	16	Красно-Пресненский	Суцеская
4-ый	Бывшая гостиница "Петергоф", Моховая ул.	8	Хамовнический	Тверская
5-ый	Шереметьевский пер., 3	8	Хамовнический	Тверская
6-ой	Поварская ул., 11	9	Хамовнический	Арбатская
7-ой	Неглинная ул., 9	8	Хамовнический	Тверская
8-ой	Неглинная ул., 11	8	Хамовнический	Тверская
9-ый	Набережная Храма Христа Спасителя, 5	8	Хамовнический	Пречистенская
10-ый	Левшинский пер., 8	45	Хамовнический	Пречистенская
11-ый	Зубовский бул., 27	45	Хамовнический	Пречистенская
12-ый	Георгиевский пер., 6	26	Красно-Пресненский	Тверская
13-ый	Георгиевский пер., 9	26	Красно-Пресненский	Тверская

На закате Советской власти: год 1989

Перешагнем шесть с половиной десятилетий, отделяющих начало советского периода столичной сегрегации от его финала, и обратимся к результатам Всесоюзной переписи населения 1989 года, фактически последней прижизненной фотографии советского общества.

Таблица 7.

Доля (%) категорий "руководители органов государственного управления и их структурных подразделений", "руководители партийных и общественных организаций и их структурных подразделений" в занятом постоянном населении районов Москвы в 1989 году

Районы	Руководители органов государственного управления	Руководители партийных и общественных организаций
Бабушкинский	0,4	0,2
Бауманский	0,5	0,3
Волгоградский	0,2	0,1
Гагаринский	0,6	0,4
Дзержинский	0,8	0,6
Железнодорожный	0,3	0,2
Калининский	0,4	0,4
Киевский	0,8	0,4
Кировский	0,2	0,3
Красногвардейский	0,3	0,2
Краснопресненский	0,7	0,4
Куйбышевский	0,4	0,3
Кунцевский	0,6	0,4
Ленинградский	0,5	0,4
Ленинский	1,0	0,5

Люблинский	0,2	0,2
Москворецкий	0,6	0,5
Октябрьский	1,0	0,5
Первомайский	0,4	0,2
Перовский	0,3	0,2
Пролетарский	0,4	0,3
Свердловский	1,6	0,4
Севастопольский	0,5	0,4
Советский	0,3	0,2
Сокольнический	1,2	0,4
Солнцевский	0,2	0,1
Таганский	0,4	0,3
Тимирязевский	0,2	0,2
Тушинский	0,3	0,3
Фрунзенский	0,8	0,6
Хорошевский	0,2	0,3
Черемушкинский	0,7	0,4
Зеленоград	0,3	0,2
Москва в среднем	0,4	0,2

О характере расселения партийно-советской номенклатуры, которая выступала социальным законодателем столичной сегрегации на протяжении всех лет советской власти, можно судить, используя такие статистические категории, как “руководители органов государственного управления и их структурных подразделений” и “руководители партийных и общественных организаций и их структурных подразделений”, выделенные в статистической классификации населения по занятиям. Данные Всесоюзной переписи населения 1989 года по Москве, отражающие процентное отношение двух анализируемых категорий руководителей в процентном отношении ко всему занятому населению районов приведены в табл. 7.

Сравнительный анализ показателей по районам свидетельствует о том, что во внутреннем кольце административных районов превышение средних значений по обоим показателям отмечается везде, кроме трех районов юго-восточного сектора: Калининского, Таганского и Пролетарского. Во внешнем кольце административных районов превышение средних значений по обоим показателям отмечается только в районах западного, юго-западного и отчасти южного сектора (в Кунцевском, Гагаринском, Черемушкинском и Севастопольском), а также вдоль северо-западного радиуса (в Ленинградском районе). Районы, где превышены средние для Москвы показатели доли руководящих работников в занятом населении, показаны на рис. 5.

Обратим внимание на то, что если для предпочитаемых номенклатурой районов внешнего пояса характерно превышение средних значений по первому показателю в 1,2-1,5 раза, а по второму — в 2 раза, то для районов внутреннего кольца превышение средних значений по первому показателю составляет 1,5-4 раза, а по второму — 1,5-3 раза. Это позволяет говорить о том, что в первую очередь центральные, внутренние районы (исключая только юго-восточные) являлись объектом устремления групп, занимавших доминирующие социальные позиции.

Расселение рабочего класса в столице, по данным Всесоюзной переписи 1989 года, в общем и целом характеризовалось преобладанием его во внутренних юго-восточных районах (Таганском, Пролетарском) и в периферийных районах восточной половины города. В среднем по Москве доля рабочих в занятом населении составляла 44,7%. Максимальный процент рабочих

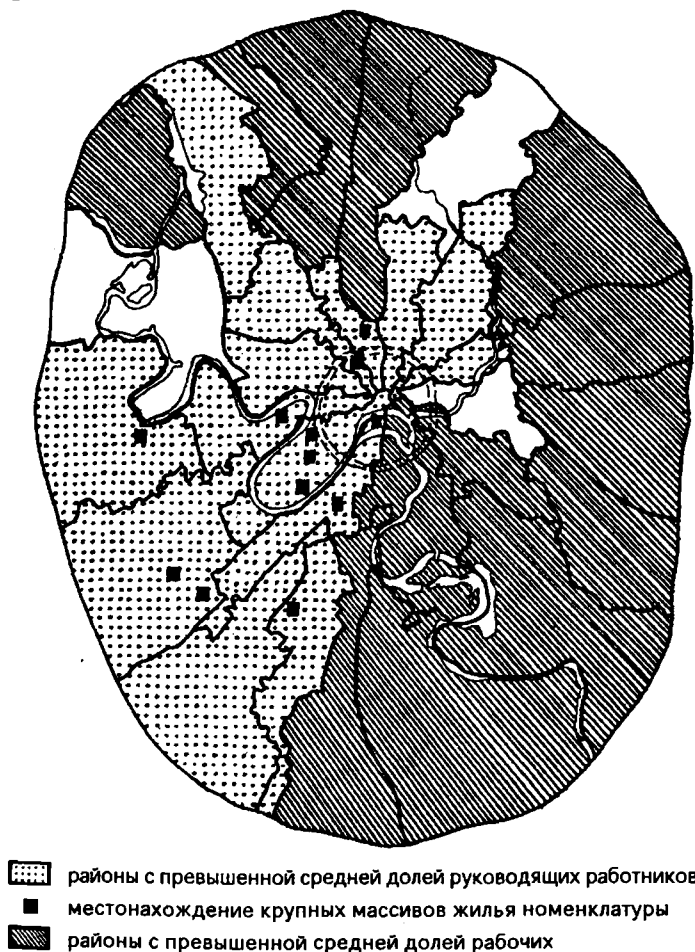

Рис. 5. Схема расположения районов с превышенными средними показателями доли руководящих работников и доли рабочих в 1989 г. (в пределах МКАД)

в занятом населении приходился на периферийный юго-восточный Люблинский район — 55,9%. Среди центральных районов максимальная доля рабочих наблюдалась в юго-восточном Пролетарском — 46,8%. Минимальных значений для внешнего кольца административных районов этот показатель достигал в юго-западном Гагаринском — 36,3%, для внутреннего кольца — в юго-западном Ленинском районе — 30% (см. табл. 8). Районы, где превышена средняя доля рабочих в занятом населении, показаны на рис. 5.

Таблица 8.

Доля (%) рабочих в занятом постоянном населении районов Москвы в 1989 году

Бабушкинский	43,3	Октябрьский	33,4
Бауманский	39,7	Первомайский	44,9
Волгоградский	48,0	Перовский	48,7
Гагаринский	36,3	Пролетарский	46,8
Дзержинский	32,0	Свердловский	38,7
Железнодорожный	50,4	Севастопольский	44,5
Калининский	42,4	Советский	52,3
Киевский	37,6	Сокольнический	35,4
Кировский	48,9	Солнцевский	55,1
Красногвардейский	50,2	Таганский	46,3
Краснопресненский	40,1	Тимирязевский	50,4
Куйбышевский	45,9	Тушинский	46,0
Кунцевский	42,7	Фрунзенский	32,3
Ленинградский	36,6	Хорошевский	40,5
Ленинский	30,0	Черемушкинский	37,4
Люблинский	55,9	Зеленоград	52,8
Москворецкий	42,3	Москва в среднем	44,7

То, что в основе советского сценария столичной сегрегации лежали, как и в предшествующий исторический период, тенденции социального деления пространства на запад-восток (юго-запад — юго-восток) и центр-окраины, наглядно демонстрирует анализ территориальной привязки крупных массивов жилья, выстроенных для номенклатуры начиная с 30-х годов и до 80-х. Координаты этих компактных элитных поселений обозначены адресами Дирекций по эксплуатации высотных жилых домов Мосгорисполкома, которые можно найти, например, в адресно-телефонном справочнике "Москва-89" [5]. На 1989 г. насчитывалось 12 таких дирекций, расположенных по адресам: Ленинский пр., 37а; Ружейный пер., 4; Б. Пироговская, 5; Ленинский пр., 92а; ул. Достоевского 1/21; М. Филевская, 38; ул. Серафимовича, 2; Комсомольский пр., 45; Кутузовский пр., 22; ул. Горького, 37; Профсоюзная, 45; ул. Коштыянца, 10. На рис. 5 эти адреса помечены жирными квадратами.

Для того, чтобы выявить главные места привилегированного расселения на исходе советского периода, задававшие тон столичной сегрегации, необходимо было бы обратиться к анализу жилищной практики вышших эшелонов номенклатуры, например, рассмотреть официальные городские адреса членов Политбюро последнего и предпоследнего составов, членов Совета Министров СССР. Даже фрагментарная информация на этот счет, почерпнутая из газетных публикаций (об адресах Бакланова, Павлова, Рыжкова, Шенина, Шеварднадзе) [6], позволяет выдвинуть гипотезу: советский период столичной сегрегации завершился почти тем же самым, с чего начинался, подтвердилась симво-

лическая ценность кварталов в западной половине Земляного города — пространства, предпочитаемого высшими слоями общества.

Закljučая краткий исторический очерк социальной сегрегации городского пространства в Москве в досоветскую и советскую эпоху, обратим внимание на два обстоятельства, которые, по всей видимости, способствовали устойчивому стремлению социальных верхов селиться в кварталах, расположенных в западной половине современного Центра. Во-первых, с XIV века Кремль оставался средоточием политической и духовной (идеологической) власти, официальной резиденцией лиц, облеченных верховными полномочиями в государстве. К нему территориально тяготели высшие учреждения государственной власти и государственного управления, то есть “присутственные места” высокопоставленного чиновничества, до 1917 года представлявшего избранные слои дворянства, а в советское время — номенклатуры. Во-вторых, с XVIII века кварталы к западу, юго-западу и северо-западу от Кремля, наиболее густо населенные привилегированными слоями, быстрее других заполнялись общественными культурными и образовательными учреждениями (начиная с Университета, гимназий, затем театрами, библиотеками, музеями, высшими училищами, школами, институтами и т. д.), которые обеспечивали социальное воспроизводство господствующих групп — а именно, их образовательного капитала и их практики потребления культуры.

Литература

1. Статистический ежегодник г. Москвы и Московской губернии. Вып. 2. Статистические данные по г. Москве за 1914-1925 гг. — М.: Стат. отд. Моск. Совета, 1927. — С. 26.
2. Бронер Д. Л. Жилищное строительство и демографические процессы. — М.: "Статистика", 1980. — С. 5-7, 11-14.
3. Статистический атлас города Москвы и Московской губернии. Вып. 1. Население. — М.: Стат. отд. Моск. Совета, 1924.
4. Вся Москва на 1923 год. — М.: Изд-во М.К.Х., 1923. — С. 7-8.
5. "Москва-89". Телефоны и адреса организаций, учреждений и предприятий. — М.: Министерство связи СССР, 1989. — С. 579-580.
6. "...Но очень хороший человек" // Куранты. 1991. 23 мая; "Прислуги? За какие заслуги?" // Московский комсомолец. 1991. 21 сентября; "А. Стерлигов: Шеварднадзе — не москвич" // Куранты. 1992. 26 августа; "Подам в суд" // Куранты, 1992. 27 февраля.

Часть II

Престиж Центра

Глава III

Центр на социальной карте Москвы к началу 70-х годов

Признаки того, что по своему престижу Центр опережает остальные места привилегированного расселения, проявили себя в начале 70-х годов. Применительно к тому периоду, так же, как и сейчас, можно говорить о Центре как о пространстве в границах Садового кольца. Это было официально провозглашено в Генплане 1971 г., согласно которому намечалась “реконструкция и развитие городского центра, сложившегося в пределах Садового кольца, с сохранением ведущей роли Кремля в архитектурном облике центральной части города” [1, с. 471]. К началу 70-х годов социальная уникальность столичного Центра сложилась из того, что он давал простор сочетанию нескольких тенденций, которые предопределили опережающий рост его символической ценности. Концентрируя культурные блага, стягивая в свои пределы высшие государственные учреждения, отправлявшие политическую и экономическую власть, собирая обладателей легитимного культурного и экономического капиталов, он одновременно с этим усиленно исторгал из себя социально подчиненные слои.

Вклад Центра в позицию социального превосходства

Разрыв между свойствами пространства в кольце Садовых и свойствами других районов расселения, неуклонно углублявшийся с 1917 года, к началу 70-х обеспечивал превосходство Центра над другими столичными территориями, усиливая тем самым способность этого места жительства символизировать социальное превосходство, социальную исключительность.

К началу 70-х годов исключительность столичного Центра как места жительства была гарантирована простым, но постоянным ростом территории Москвы советской, расширением ее границ. В 1917 году граница Москвы проходила примерно по московской окружной железной дороге, а в 1960 году расширилась до пределов московской кольцевой автомобильной дороги, т. е. по сравнению с 1917 годом территория города выросла в 5 раз [2, с. 11]. Стало быть, пространство столицы, формировавшееся в течение нескольких веков, вдруг многократно увеличилось за какие-то четыре десятилетия. По мере того, как росла Москва, Садовое кольцо сжималось подобно шагреновой коже, вероятность для москвича стать жителем Центра стремительно падала, а вероятность стать жителем окраины, напротив, увеличивалась. За период с 1926 по 1967 год доля города внутри Садового кольца снизилась с 8,2 до 2,1%, а численность населения с 34,4 до 8,6% [3, с. 14]. Тот, кто в 70-е годы селился в Центре, в отличие от того, кто оказывался на окраине, тем самым ни много ни мало шел против объективных закономерностей, зафиксированных статистикой, доказывая, что обладает

силой противостоять массовому ходу событий и что, следовательно, огромная социальная дистанция отделяет его от тех, кто подчиняется общему правилу. Таким образом, к началу 70-х вселиться в новую отдельную квартиру в Центре означало утвердить и заставить признать свою принадлежность к тем, кто занимает позиции социального господства, продемонстрировать близость к ним (в том числе через родство), обнародовав свой превосходный социальный капитал.

К началу 70-х годов исключительность столичного Центра как места жительства была гарантирована явной форой в средствах накопления и передачи культурного капитала, которую получали его обитатели по сравнению с населением других зон. Львиная доля театров (83%), музеев (53% всех музеев, в том числе 90% музеев театра и музыки, 79% литературных музеев, 69% художественных музеев, 57% исторических музеев, 25% научно-технических и естественно-научных музеев), концертных и выставочных залов (71%), богатейших библиотечных собраний (66%) оказалась сконцентрированной в пределах Садового кольца, с которым не могла тягаться не только дальняя периферия, но и так называемые срединные зоны (данные рассчитаны на основе перечней соответствующих объектов культуры, помещенных в [4, с. 252-256, 259-268]).

Разумеется, надо принять во внимание, что в театры, музеи, библиотеки и т. п. ходит не тот, кто живет по соседству, а тот, кто уже обладает необходимым для такой практики культурным багажом, полученным в семье, а также в результате образования и самообразования. Если при этом такой человек селился в 70-е годы в черте Садовых, то оказывался в господствующей по-

зиции относительно своего собрата по культурному достоянию, попадавшего на окраину. Подобная социальная дистанция возникала в силу территориально обусловленного разрыва в объеме свободного времени, которым располагали первый и второй. Ведь свободное время — это непереносимое условие воспроизводства и приращения культурного капитала.

Наличие территориально обусловленной дифференциации в объеме свободного времени у жителей разных частей столицы (связанное в первую очередь с использованием транспортом для поездок на работу и обратно и в связи с повседневными бытовыми нуждами) было зафиксировано в исследовании, эмпирической базой которого стали данные проведенного ЦСУ СССР в 1980 году обследования бюджетов времени работающего населения Москвы [5, с. 71]. Правомерно допустить, что при возможных нюансах не было, однако, принципиальной разницы между тенденциями территориальной дифференциации свободного времени москвичей в начале и в конце 70-х годов. Ведь физическое расстояние от Центра до пределов Москвы оставалось постоянным, а отдаление границы освоения жилых массивов так или иначе компенсировалось строительством новых станций метро. Таким образом, по выводам, относящимся к концу десятилетия, можно составить представление о положении дел в его начале.

Исследователи разделили места проживания тех, кто попал в выборку, на три типа: центральные районы, районы старой периферии и районы новой массовой жилой застройки. При этом анализ показал, что “в пересчете на недельный бюджет времени последовательный переход от типа к типу дает приращение сво-

бодного времени на 3 часа в неделю в расчете на одного работающего. Это означает, что работающий житель центра получает как бы дополнительно за счет территориальных факторов организации быта и досуга 6 часов свободного времени в виде своего рода социальной ренты" [5, с. 77].

Если разрыв в объеме свободного времени, сочетаясь с разностью в концентрации культурных благ, давал социальное преимущество, строго говоря, не любой группе обитателей Центра, то, взятые отдельно, выраженные во временных показателях, различия между Центром и окраиной выражали соотношение позиций господства и подчинения. Разве прибавочное свободное время — совокупное достояние и исключительная привилегия жителей центральной части столицы — не говорило об их свободе в сравнении с несвободой обитателей окраин располагать собой, об их независимости в сравнении с зависимостью населения отдаленных районов от шлейфа территориальных условий, привязанных к адресу и воплощавших социальное принуждение через общественно организованную инфраструктуру обслуживания и через общественно организованный транспорт?

К началу 70-х годов в значительной мере именно характер социального принуждения, заложенный в организации столичной социальной инфраструктуры, детерминировал вклад места жительства на окраине (прежде всего на юго-восточной окраине) в позицию культурного и социального подчинения и в ее воспроизводство, а места жительства в Центре — в позицию культурного и социального превосходства и в ее трансляцию. Это обстоятельство может подтвердить, напри-

мер, анализ распределения к началу 70-х годов по территории столицы специализированных средних школ, дававших по сравнению с обычными школами дополнительный культурный капитал в форме углубленного образования в той или иной области (математика и физика, изобразительное искусство и музыка, язык и литература и т. п.) Возьмем самую многочисленную в Москве к началу 70-х категорию специализированных школ — школы с преподаванием ряда предметов на иностранных языках.

В начале 70-х из 75-ти подчиненных районным отделам народного образования школ, специализировавшихся на преподавании иностранных языков, 49 школ, т. е. 65% данных учебных заведений, размещались на территории внутреннего кольца административных районов. Тогда как в двух из (в то время) шестнадцати периферийных районов, в Красногвардейском и Люблинском, расположенных на юго-востоке, вообще не было ни одной языковой спецшколы, в границах Садового кольца располагалось 23 учебных заведения, то есть по отношению ко всей Москве — 31% языковых спецшкол (рассчитано на основе перечня спецшкол с преподаванием ряда предметов на иностранных языках, помещенного в [4, с. 203-206]). Если учреждения культуры, собранные в Центре столицы, волен был как-никак посещать любой, то за каждой средней школой, согласно правилам, закреплялся микрорайон, детей которого она обслуживала. Огромный разрыв отделял, следовательно, Центр, где была наивысшей вероятность на общих основаниях отдать ре-

бенка в школу с углубленным преподаванием, от окраины, где такая вероятность была минимальной или стремилась к нулю.

В свою очередь, оставляя за скобками анализ политики городских органов народного образования, можно констатировать, что тенденции пространственного рассейния или концентрации специализированных школ в целом отражали эволюцию престижного расселения и складывались как результат городской социальной сегрегации, в том числе по критерию культурного капитала групп, населяющих столичное пространство и ориентированных на соответствующее социальное воспроизводство. Возьмем за показатель совокупного культурного капитала жителей той или иной столичной территории долю лиц с высшим образованием в занятом населении. Мы обнаружим, что, по данным Всесоюзной переписи 1970 года, при среднем по Москве показателе 18,9% минимальная доля занятых с высшим образованием приходилась как раз на упомянутые выше Люблинский (8,8%) и Красногвардейский (11%) районы, в которых специализирующиеся на преподавании иностранных языков школы отсутствовали вообще.

Концентрация господствующих групп в черте Садового кольца

Более точную (и соотнесенную с чертой Садового кольца) картину сегрегации столичного расселения дает анализ жилищной практики групп, чье превосходство по признаку культурного капитала было засвидетельствовано принадлежностью к корпорациям,

которые обладали властью освящать статус творца культурных благ, что влекло за собой ощутимые экономические преимущества*. Автор проанализировал, как на начало 70-х годов распределялись московские адреса представителей трех такого рода корпоративных организаций — Союза композиторов СССР (446 адресов), Союза художников СССР (случайная выборка в 450 адресов из 3,5 тыс.) и Союза писателей СССР (случайная выборка в 450 адресов из 1,5 тыс.). Адреса были взяты из справочников членов данных организаций на 1970-1972 годы [6].

Оказалось, что во внутреннем кольце районов проживало: 77,8% членов Союза композиторов СССР, в том числе в пределах Садового кольца — 31,4%; 77,1% членов Союза художников СССР, в том числе в пределах Садового кольца — 22%; 68,4% членов Союза писателей СССР, в том числе в пределах Садового кольца — 19,3%. При этом только в двух столичных районах — Люблинском и Красногвардейском — не проживал ни один член Союза композиторов и Союза писателей, а что касается Союза художников, то эти районы по сравнению с другими собрали абсолютный минимум адресов его членов, соответственно 0,4 и 0,7%. Таким образом, к началу 70-х прослеживается прямое соот-

* Например, для члена Союза писателей это облегчало возможность издаваться и получать гонорары, пользоваться ресурсами Литфонда, куда отчислялось 10% гонорара от литературных изданий. На деньги Литфонда, стратегию распределения которых определял Секретариат Союза писателей и правление Литфонда, строились типографско-издательские комплексы, жилье, дачи, дома творчества (где члены Союза писателей работали и отдыхали по льготным путевкам), поликлиники. Литфонд оплачивал творческие командировки, зарубежные поездки, оказывал материальную помощь членам Союза.

ветствие между максимальной (минимальной) пространственной концентрацией школ с углубленным преподаванием и максимальной (минимальной) плотностью расселения представителей групп, занимавших позиции культурного превосходства.

В целом можно сказать, что к началу 70-х наивысшая территориальная концентрация групп, занимавших позиции культурного превосходства, и наивысшая концентрация средств воспроизводства и накопления культурного капитала приходилась на пространство в черте Садового кольца.

Автор берется утверждать, что к началу 70-х в черте Садовых сосредоточивались не только культурно господствующие группы, но и те, кто концентрировал в своих руках экономическую власть благодаря тому свойству, которое можно назвать административным капиталом. В условиях сращивания партийных структур власти и государственных структур управления, в условиях тотального огосударствления хозяйственной и общественной жизни, в условиях централизованного управления и распределения, административный капитал, заключенный в партийных, в государственных (как гражданских, так и военных), в профсоюзных или других "общественных" должностях, в руководящих постах как таковых, представлял собой превращенную форму легитимного экономического капитала. Административный капитал, помноженный на социальный, лежал в основе корпоративной собственности, которая была узаконена как всем известный принцип ведомственного распределения наряду с государственным, как ведомственные фонды наряду с государственными, и практический смысл этого различия состоял в том,

что оно делало легитимным существование имущих и неимущих в обществе, где в соответствии с легитимными же представлениями не было богатых и бедных.

В состав корпоративной собственности входил жилой фонд, а пространственная концентрация экономически господствующих групп выражалась в том, что, во-первых, они собирались вместе в своих ведомственных домах, и, во-вторых, в том, что дома ведомств, представлявших крупнейших корпоративных собственников, стягивались в одни и те же пространства. Второму обстоятельству благоприятствовала политика отвода земель под жилищное строительство, дифференцированная столичными властями в зависимости от того, кем и для каких групп возводилось жилье: строилось ли оно городом для очередников районов, строилось ли оно ведомствами и организациями (и какими именно) для своих работников.

Еще до того, как началось советское жилищное строительство, внутри Садового кольца уже отмечалось максимальное присутствие групп, концентрировавших в своих руках административный капитал. Говоря о названных группах применительно к тому времени, автор имеет в виду тех, кого городская перепись 1923 года классифицировала как “администрацию и суд”.

Начатая в 20-е годы традиция возведения ведомственного жилья в черте Садовых для групп, концентрировавших административный капитал, проходит не прерываясь, красной нитью чрез всю советскую эпоху. Сославшись на краеведческие изыскания, можно назвать некоторые вехи этого жилищного строительства в 20-е — 30-е годы: 1926 — дом ВЦИК по ул. Алексея Толстого, 26; 1927 — дом Наркомата путей сообщения

по ул. Малая Бронная, 14; 1928 — дом ВСНХ по ул. Садово-Кудринская, 21; 1929 — дом Наркомата иностранных дел, Хоромный тупик, 2; 1930 — дом Наркомата финансов по Новинскому бульвару, 25а; 1930 — дом ВСНХ по Покровскому бульвару, 14; 1931 — 2-ой Дом Советов по ул. Серафимовича, 2; 1932 — дом Управления строительства канала Москва-Волга по Новинскому бульвару, 1; 1936 — дом Наркомата черной металлургии по ул. Крымский вал, 8; 1936 — дом НКВД СССР по Покровскому бульвару, 1; 1936 — дом Главного управления Северного морского пути по Суворовскому бульвару, 7-9; 1937 — дом Наркомата связи по Сретенскому бульвару, 5 [7, с. 153, 158, 289, 323, 367, 380, 385, 416, 418, 424, 457, 493].

Учитывая, что воспроизводство доминантных позиций в социальном пространстве включает в себя обладание адресами, которые уже сделались символами превосходства в силу сложившейся социальной практики расселения, можно понять, почему самые могущественные ведомства и авторитетные творческие союзы продолжали возводить жилье в черте Садового кольца и после того, как в 40-е — 50-е годы за его пределами уже начали формироваться новые, ими же сотворенные престижные районы.

Если говорить о том, как в советский период складывалась история престижного расселения, то следует особо отметить десятилетие, разделившее 1960 и 1970 годы. Именно в этот промежуток времени сложившаяся в пределах Садового кольца концентрация обладателей культурного и административного капиталов должна была резко увеличиться, и не столько в связи с продолжавшимся строительством элитарного жилья (о

такого рода домах, возведенных в 60-е годы на ул. Алексея Толстого и ул. Малой Бронной, и об их обитателях см. [7, с. 152, 158]), сколько вследствие начавшейся и быстро прогрессирующей депопуляции столичного Центра, менявшей не только численность и плотность его населения, но и пропорции социальных групп.

Как показали исследования специалистов Института экономических проблем Москвы, численность и плотность населения в центральной зоне города, ограниченной Садовым кольцом, достигла пика примерно к 1940 году: численность — около 1 млн. человек и плотность почти 51 тыс. человек на квадратный километр. Продолжительность “периода пика” составила 20 лет: в 1940-1960 годах численность и плотность населения оставались стабильными. Затем произошел резкий “выброс” населения из этой зоны, снизивший к 1980 году численность населения до 300 тыс. человек и плотность до 16 тыс. человек на квадратный километр [8]. Напомним, что 1960-й — это год, когда граница Москвы была расширена до пределов МКАД.

Темпы падения плотности населения в границах Садового кольца были стремительными: если в 1960 году она составляла почти 51 тыс. человек на квадратный километр, то в 1966 году — только 36 тыс. человек на квадратный километр, а в 1970 году — 26 тыс. человек на квадратный километр [9], то есть упала за десятилетие практически в два раза. Сошлемся на официальное объяснение уменьшения численности населения Центра, представленное в статистическом справочнике 1967 года. Надо учесть, что с 1960 по 1968 год в границах Садового кольца существовало четыре небольших административных района — Бауманский,

Рис. 6. Расположение районов массовой застройки 60-80-х годов.

Свердловский, Кировский и Фрунзенский [10, с. 194, 196], о которых и идет речь ниже: “Уменьшение численности населения центральных районов связано с реконструкцией города и переездом жителей из центра в районы массового жилищного строительства — Юго-Запад, Новые Черемушки, Измайлово, Бескудниково, Волхонка-Зил, Давыдково, Зюзино, Ленино-Дачное, Медведково, Нагатино, Новые Кузьминки, Фили-Машилово, Химки-Ховрино и другие районы” (см. рис. 6) [2, с. 14].

Естественно предположить, что население Центра уменьшалось за счет исхода обитателей из домов с коммунальными квартирами, в которые был превращен по большей части экспроприированный после революции жилой фонд, в 60-е годы в ходе реконструкции сносившийся или трансформировавшийся в учреждения и административные здания. Согласно опубликованным в 1988 году официальным данным, с 1960 года к этому времени жилищный фонд Центра сократился на 47% за счет передачи его под административные учреждения [11].

Административный натиск на Центр — пространство средоточия высших органов власти и управления во главе с Кремлем и Старой площадью (к началу 70-х в черте Садового кольца было сконцентрировано 89% правительственных учреждений СССР; рассчитано на основе [4, с. 24-57]) — не должен был по логике вещей коснуться обитателей ведомственного жилья, возведенного в не столь отдаленном прошлом и не страдавшего значительным износом. Если обезлюдение столичного центра означало выезд оттуда тех, кто населял коммуналки, то это должно было неуклонно ме-

нять пропорции социальных групп в составе населения столичного Центра в пользу экономически и культурно господствующих, которыми пространство в кольце Садовых не было обделено с первых лет Советской власти. К сожалению, отсутствие рассчитанных показателей социально-профессионального состава населения в черте Садового кольца, по данным Всесоюзных переписей 1959 и 1970 годов, не дает возможности получить точное количественное подтверждение или опровержение этой гипотезы.

В свете всего сказанного неслучайным выглядит то обстоятельство, что именно в начале 70-х — не раньше и не позже — исключительность столичного Центра была подтверждена официально: это пространство получило статус, гарантировавший его превосходство над остальными столичными территориями благодаря признанию заключенной в нем исторической ценности. Для того, чтобы увидеть, как это произошло и какой социальный смысл несло в себе, обратимся сперва к одному любопытному свидетельству.

“Я был свидетелем того, — пишет главный архитектор ЦНИИП реконструкции городов, профессор Ф. А. Новиков, — как, обходя с группой архитекторов устроенную в Манеже гигантскую парадную выставку, демонстрирующую проект реконструкции центра Москвы, его площадей и проспектов, московский вождь (речь идет о В. В. Гришине, руководителе Московской городской партийной организации и члене Политбюро. — О. Т.) решительно заявил главному архитектору города М. В. Посохину: “Вы хотите построить новый центр, а мы хотим сохранить старый”. Этот просмотр был точкой поворота. Началась переделка проекта де-

тальной планировки центра Москвы, что представлялся тогда, в 1972 г... Упор был сделан на реконструкцию.” [12, с. 9].

По следам просмотра в Манеже Бюро МГК КПСС и Исполком Моссовета приняли постановление “О застройке центральной части города, улучшении качества проектирования и строительства в Москве” [13]. В Постановлении центральной частью города именовалась территория в пределах Садового кольца и говорилось о необходимости создания “заповедных зон в центре города”, которые включали бы улицы и площади, “представляющие культурно-историческую ценность” [13, с. 13].

В 1973 году решением Моссовета в пределах Садового кольца было образовано 9 заповедных зон, где запрещалось массовое строительство: 1) Китай-город; 2) Кропоткинская ул. (Пречистенка); 3) ул. Арбат; 4) район улиц Герцена — Воровского (Большая Никитская — Поварская); 5) улицы Петровка — Кузнецкий мост; 6) ул. Кирова (Мясницкая); 7) улицы Богдана Хмельницкого и Чернышевского (Маросейка и Покровка); 8) часть Заяузья в пределах Садового кольца; 9) часть Замоскворечья в пределах Садового кольца (см. рис. 7) [14].

Официальное признание исторической ценности пространства Центра, реализованное через градостроительные ограничения, лишь узаконило уже сложившуюся к тому времени практику жилищной сегрегации и не задело интересы социально господствующих групп, для которых жилье продолжало возводиться в центре по индивидуальным, а не массовым проектам. Напротив, их власть над пространством столичного

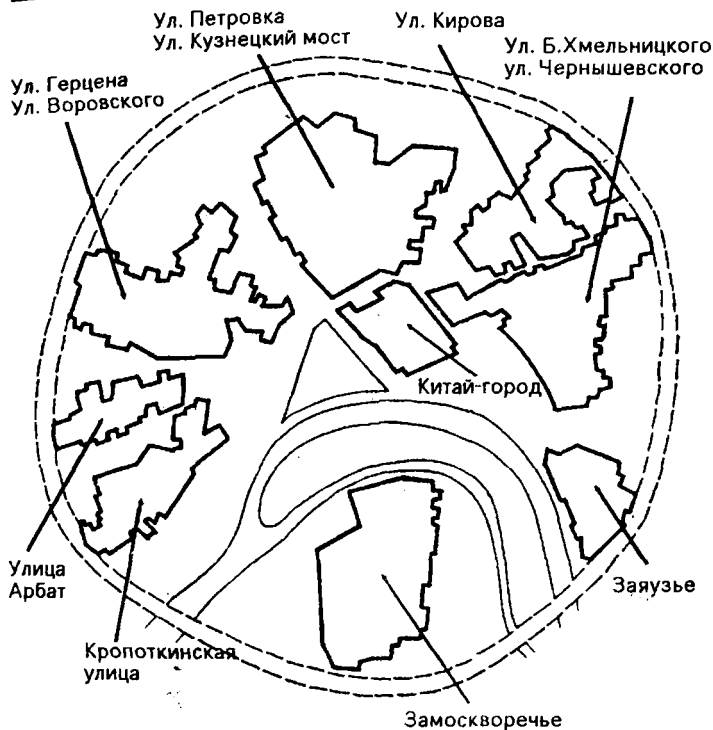

Рис. 7. Схема заповедных зон, образованных в пределах Садового кольца в 1973 году.

Центра, благодаря официальному признанию его историчности, получала гарантии того, что является властью над временем. Если верить Бурдье, а не верить ему нет оснований, социальная власть над временем молчаливо признается высшей формой превосходства:

“Владеть “старинным”, то есть владеть сегодня вещами, которые пришли из прошлого и аккумулируют в себе историю, кристаллизованную в дворянских титулах, замках или “исторических жилищах”, картинах и коллекциях, старинных вещах и антикварной мебели, — это значит господствовать над временем, над тем, что труднее всего удержать, посредством всех этих вещей, которые объединяет то, что они достаются только со временем, только через время, только вопреки времени” [15]. Обладать столичным Центром, этой уникальной антикварной городской средой, признанной исторической, означало показывать свое социальное превосходство в тем более ценимой форме, что в советскую эпоху не работали такие универсальные символы господства как происхождение от благородных предков и родовое богатство.

Обнародованию решения о заповедных зонах, означавшего, что различие Центра приобретает практический смысл для тех, кто пользуется адресом как символом престижа, предшествовали небезынтересные официальные заявления на московских партийных форумах: “На XIX и XX городских партийных конференциях (1968 и 1971 годов) указывалось, что центральную часть города нельзя застраивать, как окраины, сплошными новыми массивами. В центре города немало строений, которые могут послужить людям еще не один десяток лет. Важно, сохранив и отремонтировав эти дома, создать их жителям все современные виды удобств” [16]. Однако развернутая городскими властями с середины 70-х годов реабилитация дореволюционного жилого фонда, состоящего из бывших доходных домов, каждый из которых являлся практически един-

ственным в своем роде, не могла не обернуться отчуждением от социально подчиненных групп того престижа, того символического капитала, что заключал в себе к этому времени адрес отдельной квартиры "со всеми современными видами удобств" в историческом центре Москвы в старинном доме.

Литература

1. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР "О генеральном плане развития г. Москвы" // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. — Т. 8 (1970-1972). — М.: Изд-во политической литературы, 1972. — С. 469-473.
2. Москва в цифрах за годы Советской власти (1917-1967). Краткий статистический сборник. — М.: Статистик, 1967.
3. Выдро М. Я. Население Москвы (По материалам переписей населения 1871-1970 гг.). — М.: Статистика, 1976.
4. Москва. Краткая адресно-справочная книга. — М.: Московский рабочий, 1971.
5. Гимпельсон В. Е., Козлов В. В., Рутгайзер В. М. Вне рабочее время населения Москвы: типология и дифференциация // Социологические исследования. — 1986. — № 1. — С. 73-81.
6. Союз композиторов СССР. Справочник на 1972 год. — М.: Советский композитор, 1972; Справочник членов Союза художников СССР. По состоянию на 1 октября 1972г. — М.: Советский художник, 1973, т.т. 1, 2; Союз писателей СССР. Справочник. Составлен по данным на 1 января 1970 г. — М.: Советский писатель, 1970.
7. Федосюк Ю. А. Москва в кольце Садовых. — М.: Московский рабочий, 1991.
8. Леонтьев М. В., Шик Л. М. Основные тенденции расселения населения Москвы по кольцевым зонам // Проблемы экономического и социального развития Москвы в XI пятилетке. — М.: Московский городской исполнительный комитет. Институт экономических проблем комплексного развития народного хозяйства Москвы, 1982. — С. 188-191.

9. Саушкин Ю. Г., Глушкова В. Г. Москва среди городов мира. — М.: Мысль, 1983. — С. 89.
10. Саушкин Ю. Г. Москва. — М.: Мысль, 1964.
11. Маниловский Р. Г., Шевелкин Н. П. Прогресс-95. Комплексная территориально-отраслевая программа интенсификации социально-экономического развития Москвы. — М.: Московский рабочий, 1988. — С. 12.
12. Новиков Ф. А. Центр Москвы. Третья концепция // Московский журнал. — 1991. — N 1. — С. 8-10.
13. Бюллетень Исполнительного комитета Московского городского Совета депутатов трудящихся. — 1972. — N 15. — С. 11-14.
14. Москва. Энциклопедия. — М.: Московский рабочий, 1980. — С. 267.
15. Bourdieu P. La distinction. Paris: Minuit, 1979. — С. 78.
16. Москва: годы обновления и реконструкции. Борьба московской городской партийной организации за осуществление планов развития столицы и превращение ее в образцовый коммунистический город. — М.: Московский рабочий, 1977. — С. 178.

Глава IV

“Обуржуазивание” и “пролетаризация” Центра в 70-е — 80-е годы

В течение 70-х — 80-х годов изменения в социальном составе населения, проживавшего в черте Садового кольца, характеризовались двумя противоречивыми тенденциями, которые можно назвать “обуржуазиванием” и “пролетаризацией”. Первая была связана с жилищной реконструкцией в Центре, вторая — с сохранением здесь самой большой доли коммунальных квартир. Градостроительная реконструкция центральной части города в пределах Садового кольца и массовое домостроение в новых районах столицы, начатые в 60-е годы, привели к тому, что за одно десятилетие жилищный стандарт в Москве сместился от коммунальной к отдельной квартире. В 1960 году в коммунальных квартирах проживало 60% москвичей, тогда как в 1970 году этот показатель сократился до 40% [1, с. 101]. В Центре, однако, даже к концу 80-х годов в коммунальных квартирах проживало более 50% населения [2], в то время как в среднем по Москве более 80% москвичей имело отдельные квартиры [1, с. 101]. “Обуржуазивание” Центра происходило в результате замещения населения в домах, прошедших капитальный ремонт с перепланировкой коммунальных квартир под отдельные. В составе новых жильцов появлялась

прослойка номенклатуры, увеличивалась доля руководящих работников, но падала доля рабочих, в особенности неквалифицированных. “Пролетаризация” шла за счет смены состава обитателей в старых домах с коммунальными квартирами, которые городские власти превращали во временное жилье для низших слоев рабочего класса, пополнявших трудовые ресурсы Москвы по “лимиту”. Действие рыночных механизмов, потеснивших в начале 90-х годов государственный монополизм в жилищной политике, обуславливает новые тенденции “обуржуазивания” и “депролетаризации” населения Центра.

Социальный передел реконструированного жилья в Центре

В 1974 г. Постановлением бюро МГК КПСС и Исполкома Моссовета “О мероприятиях по комплексному благоустройству и приведению в порядок центральной части города Москвы в пределах Садового кольца в 1974-1975 гг.” [3], где говорилось о планомерном осуществлении, “начиная с 1975 года, работ по ремонту старых сохраняемых жилых домов с перепланировкой квартир” [3, с. 5], был дан зеленый свет политике реконструкции жилья в столичном Центре. Суть реконструкции заключалась не просто в том, что изношенное жилье проходило капитальный ремонт, а в том, что дома с коммунальными квартирами превращались в дома с отдельными квартирами. Перед реконструкцией домов всех прежних жильцов из них отселяли, давали им новые квартиры. После реконструкции дома заселяли уже новые обитатели.

Отселение домов перед реконструкцией и новое заселение их после реконструкции стало фактически вторым жилищным переделом в черте Садовых, от которого выигрывали в первую очередь не прежние обитатели коммунальных квартир, а другие группы, стягивавшиеся в Центр из разных частей города и обладавшие относительно прежних жителей коммуналок заметным социальным превосходством. Конечно, и после реконструкции население обновленных старинных домов оставалось социально неоднородным, так как собиралось все-таки не по ведомственному принципу. Оно сохраняло в себе почти то же сочетание социально-профессиональных групп, что и до реконструкции, однако их удельный вес и внутренняя структура коренным образом менялись, к ним прибавлялись новые, отсутствовавшие прежде в социальном профиле населения категории.

Обследования, которые автор провел в кварталах улицы Сретенка (1990 год) и улицы Арбат (1991 год), показали, что в результате реконструкции дореволюционного жилого фонда существенно “облагораживается” (по терминологии западных социологов) состав обитателей столичного Центра. Прообразом обследований в Центре Москвы послужили для автора проведенные французскими социологами в 60-е — 70-е годы исследования, посвященные политике обновления старых жилых кварталов Парижа и “обуржуазиванию” их населения.

Начиная с 1955 года в Париже проводились финансируемые государством, а с 1964 года — частными компаниями мероприятия по ремонту и реконструкции жилого фонда ряда старых кварталов. Как выясни-

ли социологи, выбор кварталов под реконструкцию определялся не ветхостью жилья: их население отличала самая высокая доля неквалифицированных рабочих, недавних выходцев из Алжира, пенсионеров с небольшим достатком. В результате градостроительных операций в большинстве случаев доля старожилов, переезжавших в обновленные дома, не превышала 20%. Остальные были вынуждены из-за поднявшейся арендной платы за жилье, — она стала им не по карману, — покидать свой район и выезжать в дешевые пригороды Парижа, а их место занимали жильцы с более высоким социальным и имущественным положением. Исследователи опирались на данные официальных переписей населения до и после реконструкции кварталов [4, с. 209-211].

Автор, проводя аналогичные исследования в кварталах московского Центра, прибег к сравнительному анализу данных о социально-профессиональной принадлежности квартиронанимателей, которые содержатся в отечественной административной документации — карточках прописки. Были выбраны пять конкретных реконструированных домов на Сретенке (в Даевом, Просвирином и Селиверстовом переулках) и столько же в районе Арбата (на улицах Арбат, Вахтангова и Федотовой) и изучены, с одной стороны, карточки прописки жильцов, отселенных из этих домов в конце 70-х — начале 80-х, а с другой стороны, карточки всех, кто проживал там на момент проведения обследований. На Сретенке количество изученных документов составило 498 карточек прописки прежних жильцов (из них 321 квартиронаниматель) и 313 карточек прописки новых жильцов (из них 155 квартиронанимателей), на

Арбате соответственно 262 карточки* (172 квартиронанимателя) и 258 карточек (133 квартиронанимателя). Отметим, что на Сретенке дома, попавшие в выборку, вводились в 1981-1985 годах, а на Арбате — в 1983-1988 годах. Около четверти проживавших там на момент обследования семей въехали в реконструированные дома уже после их первоначального заселения, по обмену.

Первичные данные о составе квартиронанимателей и членов их семей были получены из текущей и архивной документации паспортных столов при микрорайонных РЭУ (ремонтно-эксплуатационных управлениях) и из финансовых лицевого счетов нанимателей квартир, хранящихся в бухгалтериях РЭУ. Карточка прописки, как известно, содержит графу "Где и в качестве кого работает (если не работает, то указать — пенсионер, учащийся, иждивенец и т. п.)", куда сведения заносятся со слов граждан. Разумеется, реальный состав жильцов несколько отличается от зафиксированного в картотеке прописки, а записи устаревают. Однако неизбежные пробелы или неточности в исходных данных об отдельных лицах вряд ли могли еще до того, как социальная структура общества пришла в движение, существенно изменить общую картину социально-профессионального состава жителей. К тому же автор, работая с документами в паспортном столе, бок о бок с паспортистками, мог наблюдать, что обращению граждан за любой справкой сопутствовала проверка правильности записей в карточках прописки, шла их текущая корректировка.

* Архив карточек прежних жильцов сохранился не полностью.

Сведения из административной документации, естественно, без указания фамилий жильцов, переносились в своем исходном виде на бланки сбора социологической информации, содержащие стандартизированный набор переменных, с помощью которых можно было классифицировать квартиронанимателей и членов их семей по социально-профессиональному положению. Автор использовал четыре переменные для описания социально-профессионального состава изучаемого населения: род занятий, профессия, ведомство, должностной статус. Фиксировались также и другие сведения — место рождения, предыдущее место жительства и др. Информация была закодирована и в виде массива вторичных данных обработана на компьютере (подробнее о методике анализа документов, примененной автором, и о проекте, в организационных рамках которого были выполнены исследования на Сретенке и на Арбате, см. в [5]).

Полученные социологические данные свидетельствуют о том, что по сравнению с составом квартиронанимателей до реконструкции в новом их числе возрастала доля чиновников союзных министерств и госкомитетов, союзных правительственных органов, причем одновременно повышался ранг таких функционеров. Появлялась совершенно новая группа, состоявшая из чиновников столичной городской и районной администрации, партийной номенклатуры районного уровня, функционеров городских и районных управлений государственных органов. Увеличивался “вес” руководящих кадров — руководителей и заместителей руководителей учреждений, предприятий, организаций, министерств и т. п. Росла доля представителей “свобод-

ных” профессий — литераторов, театральных деятелей, художников, артистов и т. п., — причем новый их слой отличало присутствие тех, кто занимал руководящие должности в творческих коллективах. Повышалась доля научных сотрудников, преподавателей вузов, редакторов издательств. В то же время значительно падала доля рабочих, в первую очередь неквалифицированных. Приведем сравнительные данные.

Доля чиновников союзной администрации выросла на Сретенке с 7,9 до 10,6%, причем среди них доля руководящих кадров — замминистров, председателей и заместителей председателей госкомитетов — поднялась с нулевой отметки до 36,4% за счет соответствующего уменьшения доли рядовых служащих при сохранении неизменной доли руководителей среднего звена. На Арбате аналогичная группа функционеров увеличилась с 3,4 до 9%, крупного руководства в ней не появилось, но начальники управлений и отделов министерств и госкомитетов, то есть руководители среднего звена, составили половину данной группы, объединявшей ранее лишь рядовых работников.

Доля новой группы функционеров составила в домах на Сретенке 10,6%, в домах на Арбате 6,7%. В целом прослойка административных работников увеличилась на Сретенке в 2,7 раза, а на Арбате в 4,6 раза. Доля руководящих кадров выросла на Сретенке в 10 раз (с 1,2 до 12,5%), на Арбате же составила 15,6% при полном отсутствии их раньше. “Вес” представителей свободных профессий поднялся в домах на Сретенке с 2,4 до 6,7% (в 2,8 раза), а в домах на Арбате с 3,4 до 10,1% (в 3 раза). Доля научных и преподавательских

кадров незначительно увеличилась на Сретенке, с 8,6 до 9,7%, зато на Арбате выросла в 1,8 раза, с 7,9 до 14,6%.

Доля рабочих упала на Сретенке с 57,5 до 35,5%, в том числе доля неквалифицированных рабочих (сторожа, уборщицы, грузчики и пр.) в 2,6 раза, с 9,7 до 3,8%. В домах на Арбате рабочих стало 38,2% (против 62,9%), в том числе неквалифицированных 6,7% (против 19,1%), то есть в 2,9 раза меньше. Заметим, что строительные организации, проводившие реконструкцию, получали квоту жилья, и значительная часть рабочих среди новых квартиронанимателей приходилась на строителей.

Если судить по данным описанных выборочных обследований, то решающие изменения в социальном составе населения реконструированных домов были связаны с появлением групп, обладавших административным капиталом, и с вымыванием групп, его лишенных. Поскольку административный капитал выступал превращенной формой экономического, то тенденции изменения социального состава населения вследствие жилищной реконструкции в Центре можно характеризовать как "обуржуазивание".

Социальный передел столичного пространства

Обследования показали, что в процессе реконструкции Сретенки и Арбата происходил не просто жилищный передел в Центре Москвы, но и напрямую связанный с ним передел столичного пространства между социальными группами.

В ходе отселения домов на Сретенке 73,2% их обитателей получили новые квартиры в отдаленных жилых районах, за Окружной железной дорогой. В том числе 26,2% оказались в Отрадном, 12,2% в Бибирево и Лианозово, 7,5% в Орехово, 5,8% в Бабушкине и Медведково, 5,8% в Зюзино и Новых Черемушках, 5,6% в Ясенево. В свою очередь среди новых жильцов 68% приехали из районов, расположенных за пределами Садового кольца, в том числе 33,2% из жилых массивов за Окружной железной дорогой, а 6,6% вообще прибыли из других городов.

Жителям отселенных домов на Арбате повезло несколько больше. Только 65% их оказалось в жилых массивах за окружной железной дорогой, в том числе 15,4% в Филях и Филевской пойме, 11,7% в Отрадном, 4,6% в Новых Черемушках, 4,2% в Бабушкине, 2,9% в Чертаново, 1,7% в Ясенево. Из новых же обитателей домов за пределами Садового кольца проживало ранее 58,9%, в том числе 42,7% в жилых массивах за Окружной железной дорогой (см. рис. 6).

Насколько можно судить по данным этих выборочных обследований, жилищная реконструкция отчасти уменьшила к началу 80-х, но не остановила отток жителей старых коммуналок из Центра, она вызвала встречное движение в сторону Садового кольца обитателей других частей города. Разнонаправленные потоки — из Центра и в Центр — в своей социальной сущности были потоками групп, находящихся в отношении господства и подчинения друг к другу. Независимо от того, какие конкретные причины и какие конкретные пути приводили семьи все новых и новых обладателей социальной власти в Центр, будь то главный режиссер

театра или солист оперы, зампред райисполкома или секретарь райкома КПСС, начальник отдела снабжения государственного треста или директор издательства творческого союза, персональный пенсионер или заместитель министра, переведенный на работу в столицу из провинции, — их приход сюда был по сути дела предначертан.

Работа представления, которую господствующие группы непрерывно ведут с тем, чтобы внушить видение своей позиции превосходства, своей социальной идентичности [6], выражается в том числе через овладение позицией в пространстве городского расселения, которая в силу символической ценности этого пространства была бы адекватна доминантному положению в социальном поле сил. Социальная логика определяла выбор, который делали обладатели административного и социального капиталов в пользу столичного Центра, то есть в пользу адреса, символизирующего превосходство его владельца, при одном важном условии. Это важное условие — добротную отдельную квартиру со всеми коммунальными удобствами в кирпичном доме с высокими потолками — обеспечивали городские власти, взявшись за реконструкцию. По существу они (не обязательно преднамеренно) открывали тем, кто концентрировал в своих руках различные виды капитала, возможность пустить их в дело и своей властью присвоить престиж, заключенный в адресе, отчуждая само местоположение от его прежних владельцев. Последним, то есть обитателям коммунальных квартир, в большинстве своем было не по силам тягаться за престиж. Вопрос о смене места жительства вообще не стоял перед

ними как вопрос престижа, а для многих исход из Центра оказывался даже желанным при условии получения долгожданной отдельной квартиры.

“У меня не было в жизни более счастливого дня, чем тот, когда мы получили ордер на эту квартиру. Хотя квартира, вы сами видите какая, по теперешним временам. Да, самый счастливый вообще день в жизни — это когда мы получили отдельную квартиру”, — так говорит урожденная москвичка, мать семейства, в прошлом инженер (здесь и далее воспроизведены фрагменты интервью, записанного в 1992 году руководителем НИП “Социальная генеалогия”, старшим научным сотрудником Института социологии РАН, кандидатом философских наук В. В. Семеновой.)

Их дом пошел под реконструкцию в 70-е годы, и она со своей семьей переехала из коммуналки в Центре в отдельную квартиру на окраине, в Перово. “Мы жили в Ермолаевском переулке. Он называется теперь улицей Жолтовского. Это Патриаршие пруды. Знаменитые Булгаковские Патриаршие пруды. Жили мы в пятиэтажном доме на пятом этаже. В квартире было семь комнат, семь семей. Причем семьи все были достаточно большие — четыре-пять человек. Было очень много детей. У нас была комната тринадцать с половиной метров. Там жили мать, отец, я, брат, и еще у нас была домашняя работница, которая у нас прожила 20 лет, свой человек. И вот мы впятером жили на тринадцати с половиной метрах. Потом уже, когда мне было около 18 лет, мы в своей же квартире поменялись с соседкой на двадцатиметровую комнату. Это уже казалось счастьем. В 22 года я вышла замуж. Через год родители получили квартиру и уехали, а я там осталась. Я там

жила еще много-много лет. Началось кооперативное строительство, и в кооператив стали уходить, как бы вам сказать, лучшие. На их место попадали лимитчики, и квартира менялась на глазах. То есть уезжала интеллигенция, приезжала пьянь. Не боюсь этого слова. Это уже были по духу совсем другие люди. Поэтому под конец там было плохо”.

Огромная социальная дистанция разделяет коммунальную и отдельную квартиру, пространство коллективной взаимозависимости, жизни “на людях” и пространство независимой частной жизни, принудительную пространственную близость с далекими людьми и свободу пространственно обособиться от них. Как правило, дистанция между коммунальной и отдельной квартирой, символизирующая социальную дистанцию между подчиненной и господствующей позицией, могла быть преодолена двумя путями: либо ценой перемещений в социальном пространстве, то есть за счет приращения капиталов (экономического и социального), которые дают средства изменить свои жилищные условия, либо ценой буквального прохождения этой дистанции, перемещения в столичном пространстве, физического отдаления, которое по сути дела несло в себе отчуждение символического капитала и “капитала местоположения”, заключенного в адресе. “Знаете, когда нас выселяли, — рассказывает та же дама, — ну это все равно, что вот вообще выселили, выгнали из Москвы. Потому что рухнули все связи сразу. Мы уезжали в эти новые дома — ни телефонов, ничего. Связи быстро рвались и восстановить их потом уже было трудно. И

пришлось еще поменять работу, ребенка из сада забрать, — а здесь девать его было некуда. Ну, в общем, так с нами жестоко поступали”.

Перед людьми, которых отселяли из коммунальных квартир Центра, начиная с 60-х годов, когда их дома сносились или превращались в учреждения, и перед людьми, которых начали отселять с середины 70-х в связи с развернутой реконструкцией жилого фонда, в большинстве своем не стояло выбора — уезжать или не уезжать из Центра. Остаться — значило сменить одну коммуналку на другую или, в лучшем случае, прожив несколько лет в переселенческом фонде, вернуться на ту же самую жилую площадь, на которой прописаны, если по плану реконструкции она не отходила под кухни и места общего пользования. Покинуть Центр — означало сразу получить отдельное жилье, жилье зачастую более просторное и даже не одну квартиру, если фактически отпочковавшиеся родственные семьи предпочитали расселиться. Реконструкция давала уникальный шанс решить свои жилищные проблемы многим семьям, не обладавшим правом постановки в очередь на улучшение жилищных условий, льготами или особыми заслугами, сбережениями, полезными связями. Политика реконструкции жилья в Центре действительно улучшала жилищное положение этих групп. Но она не меняла, да и не могла изменить их социальную позицию, позицию подчинения, которая проявилась на очередном витке социального перераспределения столичного пространства, вызванного возвысившейся к началу 70-х годов символической ценностью столичного Центра.

Итак, благодаря проводимой городскими властями политике реконструкции исторической жилой застройки, толчком которой послужил на рубеже 60-х — 70-х годов возросший престиж Центра, к концу 80-х годов проявились устойчивые тенденции “обуржуазивания” социального состава населения старинных жилых районов и само собой внесли вклад в дальнейший взлет престижа адресов в кольце Садовых. Свидетельством этого факта является Постановление Совета Министров СССР 1987 года “О комплексной реконструкции и застройке в период до 2000 г. исторически сложившегося центра Москвы” [7]. В тексте постановления 1987 года в отличие от постановлений 1972-1974 годов именно реконструкция и строительство нового жилья выдвинуты на первый план. Вопрос о жилом фонде столичного Центра находится во главе угла постановляющей части документа, где первым пунктом предусматривается “максимальное сохранение в центре Москвы пригодного для проживания жилищного фонда, его комплексная реконструкция и капитальный ремонт с ликвидацией коммунального заселения” [8].

Концентрация низших слоев рабочего класса в Центре

Фонд коммунальных квартир, сохранявшийся в черте Садового кольца, создавал предпосылки для развития процесса, прямо противоположного “обуржуазиванию” Центра. В течение 60-х — 70-х годов за счет смены состава обитателей коммунальных квартир Центра шла его “пролетаризация”. Она стояла в прямой зависимости от начатой с 1964 года практики “привле-

чения иногородних рабочих на условиях временной прописки” для заполнения вакансий на расположенных в Москве индустриальных объектах союзного, республиканского подчинения и в городском хозяйстве столицы. Разрешения выдавались определенным предприятиям и по определенной квоте — лимиту штатных мест [9].

“Лимитчики”, половина из которых приезжала в Москву, не имея профессиональной подготовки, пополняли в первую очередь низшие слои рабочего класса столицы. Обучение их происходило, как правило, непосредственно на производстве. Часть рабочих, ранее не имевших профессии, не приобретала ее и в Москве. На долю “лимитчиков” оставался самый неквалифицированный, малосодержательный, хуже всего механизированный труд, с тяжелыми и вредными условиями, в “горячих” цехах, на конвейерном производстве, со скользящим графиком работы. Они замещали должности на тех предприятиях, в тех градообразующих и градообслуживающих отраслях, в тех профессиях, где особенно интенсивно шел отток коренного населения, получавшего гораздо более высокую общеобразовательную подготовку [10].

Довольно разнородное еще к началу 60-х годов население домов с коммунальными квартирами в Центре, — разнородное и по социальному происхождению, и по материальной обеспеченности, и по уровню образования, и по профессиональной принадлежности, и по статусу в должностной иерархии, — в течение 60-х — 70-х годов становилось все более однородным. Сдвиг происходил в сторону экономически и культурно подчиненных групп.

Вместе с возобновленным в Москве в 60-е годы кооперативным строительством коммунальные квартиры покидали те, кто располагал связями с организациями-застройщиками и денежными средствами, чтобы купить дефицитное новое отдельное жилье. Уезжали те, кто обладал действенными преимуществами (или достигал их), необходимыми для получения новых государственных квартир, — должностными привилегиями (номенклатурные работники), льготами (строители), негласной протекцией во властных структурах. В новом отдельном жилье объективировались восходящая социальная мобильность и экономическое превосходство групп, покидавших комнаты в старых коммунальных квартирах, по отношению к остававшимся там группам.

За выездом или за смертью прежних жильцов в старых коммунальных квартирах Центра высвобождались комнаты. Городские власти переселяли их по преимуществу семьями рабочих-мигрантов, которые оседали в Москве, пройдя через “лимит” и общежития. “Такие работники, как временно прописанные, первые пять лет живут в общежитиях, а по сути дела — в жилых домах, ранее предназначавшихся для кадровых рабочих, коренных москвичей. Затем они получают постоянную прописку и встают в общую очередь на получение отдельных благоустроенных квартир, после чего в ряде случаев переходят в другие отрасли хозяйства города, а дефицит рабочих рук на предприятиях, пригласивших их в Москву, остается” [1, с. 99]. Заселение коммунальных квартир Центра семьями “лимитчиков” было, судя по всему, этапом (между постановкой в об-

щую очередь на получение отдельных квартир и обретением их) в цикле воспроизводства "рабочих рук", для которых требовалось освобождать места в общежитиях.

По существу фонд старых коммунальных квартир в пределах Садового кольца в 70-е и 80-е годы использовался городскими властями в качестве крупного перевалочного пункта для приема потока мигрантов, пополнявших низшие слои рабочего класса столицы, прежде чем его переправляли на малообустроенную по сравнению с Центром столичную периферию в отдельные квартиры.

О том, как шла "пролетаризация" населения в черте Садового кольца и почему постоянное его пополнение низшими слоями рабочего класса не отражалось на престиже Центра, позволили получить представление устные свидетельства обитателей кварталов, расположенных между Новым Арбатом с Воздвиженкой и улицей Герцена (Никитской). В этом секторе Центра в 1993 году автор провел пилотажное исследование, в ходе которого было собрано 60 полуформализованных интервью (в диктофонной записи) с семьями, проживающими в домах и квартирах разного типа и различающимися демографическим составом, продолжительностью обитания в Москве, имущественным положением, а также уровнем образования и родом занятий членов семей*.

30

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований (проект 93-06-10177). Организационную помощь оказал Фонд социальных инициатив "Поварская слобода" (подробнее об исследовании см. в [11]).

В Центре с начала 70-х годов жилищная сегрегация последовательно замыкала и изолировала низшие слои рабочего класса в домах с коммунальным заселением, покинутых прежде обитавшими в них социальными группами, вследствие чего этот жилой фонд передавался городскими властями в ведение самых бедных эксплуатационных служб и приходил в упадок. Модель этих процессов воссоздает интервью с давней обитательницей Большого Кисловского переулка (улицы Семашко), общественницей, ответственной по дому, дамой, находящейся на пенсии, по профессии библиографом, проживающей в коммунальной квартире вдвоем с отцом, полковником в отставке. Ее рассказ позволяет увидеть, как в основе своей тенденции жилищной социальной сегрегации в Центре были движимы социальной логикой пространственного дистанцирования и обособления групп, концентрировавших символический капитал, который в своей институционализированной форме применительно к советской эпохе выражался через государственное признание высших заслуг перед народом, трудовых и ратных (высшие государственные звания, высшие государственные награды, высшие государственные премии).

“Дом наш каменный, шереметьевской постройки. Земля под ним дорогая — мы в двухстах метрах от Кремля. Здесь, в этих двух комнатах, мы проживаем с 1936 года. Вообще, мы приехали в Москву в 1930-м году из Киева. Мы с братом там родились. Мой папа был кадровый военный, работал в Министерстве обороны. Он получил комнату на улице Янышева, потом ему

дали дополнительную площадь, потому что нас с нянькой было пять человек, и мы переехали сюда. Здесь раньше жило 17 человек, все комнаты были заняты.

Здесь очень хороший был дом и очень хорошая была публика. У нас жили Нежданова* с Головановым**, посол в Турции Карахан***. У нас на первом этаже жил певец, бас Большого театра Минеев. У нас жил генерал крупный Алиханов, но его расстреляли. Профессора жили. Врачи здесь жили. Был такой крупный врач ухо-горло-нос Куперман, он принимал в платной клинике, которая была напротив нашего дома. Моего брата учительница жила. Рядом интернат был, школа общеобразовательная, семилетка. Брат здесь учился и преподавательница здесь жила. Жили кухарки. Буржуи, как раньше говорили, уехали за границу, оставались кухарки. Они действительно здесь были, мы их застали. Они поумирали после войны, в 60-х — 70-х годах.

[Нежданова и ее муж Голованов покинули дом в Большом Кисловском переулке в 1935 году и переехали в новый дом N 7 по Брюсовскому переулку (в 1962 году переименован в улицу Неждановой) [13]. Об этом сви-

* Нежданова Антонина Васильевна (1873-1950), певица в Большом театре с 1902 года, Герой труда (1925), народная артистка СССР (1936), лауреат Государственной премии СССР (1943) [12, с. 883].

** Голованов Николай Семенович (1891-1953), дирижер, пианист, композитор, с 1915 года в Большом театре, народный артист СССР (1948), лауреат Государственных премий СССР (1946, 1949, 1950, 1951) [12, с. 321].

*** Карахан (Караханян) Лев Михайлович (1889-1937), советский государственный деятель, в 1918-1920, 1927-1934 — зам. наркома иностранных дел, член ЦИК СССР, в 1921 полпред в Польше, в 1923-1926 в Китае, с 1934 посол в Турции [12, с. 551].

детельствуют установленные на доме мемориальные доски. В этом доме их соседями стали известные и получившие государственное признание деятели культуры — театральный художник Ф. Ф. Федоровский, скульптор И. Д. Шадр, арфистка К. А. Эрдели].

Раньше у нас все было. Когда мы въехали, у нас была консьержка, бабка Лукерья. Был прекрасный лифт красного дерева с зеркалами, пуфики стояли. Лифтеры сидели, скамеечка была. Ковры были, дорожки с переплетенными металлическими креплениями, бронзовыми. У нас был домуправ и бухгалтер. Была чистота, порядок.

Ковры сняли, еще до войны. Консьержка — это было до войны. Лифт в 50-х годах реконструировали. Клеть была другая, клеть была широкая. В принципе, порядок в доме был до 1973 года. А сейчас эти РЭУ, ЖЭКи, и никакого порядка. Дом требует капитального ремонта. Вы посмотрите, что с потолками. Краны и трубы все ржавые, все уже течет. От нашего РЭУ [Ремонтно-эксплуатационное управление] не жди ничего. Они еле-еле красят фасад, и то в несколько приемов, краски не хватает. Этот дом только богатый инвестор может взять и сделать капитальный ремонт или реконструкцию.

Здесь все коммуналки. У нас десять коммуналок. Есть три отдельные квартиры, но это давно расселились люди. Рядом в отдельной квартире многодетная семья, на этаже под нами — какая-то семья профессора. В основном прежние жильцы умирали или уезжали. Весь состав сменился примерно к концу 70-х годов. Приезжали лимитчики. Потом, когда умирали жильцы, они занимали их комнаты. И так они оставались. А

теперь они снова разъезжаются. Вот в прошлом году расселилась коммунальная квартира, где жили лимитчики. Я была знакома и с той, и с другой семьей. Шофер, жена его не работала, и двое детей. Милиционер, жена работала где-то здесь и двое детей”.

Строительство нового жилья в Центре в 60-е — 80-е годы никак не отражалось на положении “лимитчиков”. Реконструкция дореволюционных жилых домов касалась их лишь в той мере, в какой выносила на окраины столицы. Не говоря уже о ведомственных домах и кооперативных, практически исключалась вероятность переселения “лимитчиков” из старых коммуналок в рядом реконструированные дома, если только квартиры на первом этаже снова не заселялись как коммунальные. В новые дома с отдельными квартирами “лимитчики” попадали как работники жилищно-эксплуатационного хозяйства, для которых там выделялась служебная площадь, как правило, опять в виде общежитий или коммунальных квартир.

Социальная сегрегация жилищ — домов и квартир — исключала в тенденции смешение низших слоев рабочего класса с другими, населяющими Центр, а по мере их концентрации в старых домах с коммунальным заселением дополнялась социальной сегрегацией школ. Дети “лимитчиков”, обитающих в Центре, не только вытеснялись из становившихся специализированными и экспериментальными школ, — тех, где официально проводился вступительный отбор, — в простые школы, но и сами простые школы со временем исчезали и оказывались вынесенными за черту Садового кольца.

Не так уж удивительно, что от одной из обитательниц реконструированного дома на Поварской

(улица Воровского), потомственной москвички, жены отставного ныне кадрового военного, чья семья переехала сюда 15 лет назад с Арбата из бывшего дома “высшего начсостава” Министерства обороны, а внуки отучились в английской спецшколе, можно было услышать: “В нашем районе, наверное, мало лимитчиков. Как-то лимитчики — это помимо меня, где-то далеко”.

В кварталах, где проводилось пилотажное исследование, простые школы начали исчезать в 60-е годы (закрывались как таковые или трансформировались в школы со специализированными программами), и к настоящему времени их здесь не осталось совсем. В интервью с семьями, в которых есть дети или внуки школьники (всего 27 семей), фигурировали следующие учебные заведения: английская спецшкола (Вспо́льный переулок), английская спецшкола (Малая Молчановка), испанская спецшкола (Столовый переулок), экспериментальная гимназия Российской Академии Образования (Поварская), школа с математическим и литературным уклоном (улица Маркса и Энгельса — Малая Знаменка), православная гимназия (Кропоткинский переулок), школа с эстетическим уклоном (Хлыновский тупик), простая школа (Брянская улица). Последняя в отличие от всех предыдущих расположена за пределами Садового кольца и по другую сторону Москвы-реки, рядом с Киевским вокзалом. Это ближайшая из простых школ, которая относится к управлению народного образования, курирующему изученный микрорайон Центра. Она находится от этих жилых кварталов примерно в получасовой досягаемости, до

нее нужно добираться общественным транспортом. Дети из семей “лимитчиков” в подавляющем большинстве случаев обучаются в простой школе.

“Школа должна была быть нашего микрорайона — английская, с шести лет нужно туда идти. А его не взяли. Экзамены он сдал прекрасно, он уже читал и писал. Его проверили и сказали, что претензий не имеют, но куда его взять, все заполнено. Отправили нас в РУНО [Районное управление народного образования]. РУНО нас устроило в школу у Киевского вокзала. Ездить, вы представляете?! Утром туда еще ладно. Муж его отвозит, когда на работу едет. Обратно я с маленьким четырехлетним ребенком за ним езжу. Там страшная улица. Перехода нет подземного. Надо через верх идти. Движение страшное. В общем очень напряженно” — рассказывает мать семейства, уроженка Кубани (которая приехала в Москву 13 лет назад), проживающая 10 лет на Новом Арбате в малогабаритной служебной коммунальной квартире Дирекции по эксплуатации высотных жилых и административных зданий (вместе с двумя другими семьями, всего 10 человек), куда переехала из общежития на улице Федотовой, работавшая в этой организации мастером (“у меня в подчинении было семь служб”), а после рождения первого ребенка ставшая уборщицей, муж ее рабочий на производстве с тяжелыми условиями труда (которое, стало быть, находится в одном из удаленных от Центра промышленных районов).

Та же самая респондентка в нескольких фразах характеризует положение, в котором находится ее семья, проживая в Центре: “Престижное место, но ничего от этого мы не имеем. Нам это престижное место

совершенно не нужно. Я бы огромное спасибо сказала тому, кто сюда бы въехал, а я куда-нибудь на окраину бы выехала. Я живу здесь и мечтаю выехать на окраину. Нас тут ничего не устраивает. Нам нужно жить нормально по-человечески, чтобы была нормальная семейная жизнь, а для нас в этом плане ничего буквально нет. Сколько живем, столько и мучаемся здесь. Мы отверженные, мы никому не нужные. Ни наши дети, ни мы”.

В условиях, с одной стороны, “обуржуазивания”, а с другой, — “пролетаризации” Центра, иначе говоря, социальной поляризации состава населения, происшедшей в 70-е — 80-е годы, его престиж поддерживался за счет углубления социально-пространственной сегрегации. Ни какое-либо из дефицитных и престижных материальных и культурных благ, локализованных в Центре (хорошее и престижное жилье, хорошие и престижные школы — два самых очевидных тому примера), ни капитал “местоположения” (выраженный в том числе свободным временем за счет экономии на передвижениях по городу), ни символический капитал, заключенный в адресе и удостоверяющий легитимность социального превосходства, не могли в тенденции достаться группам, находившимся в позиции экономического и культурного подчинения. Напротив, их пребывание в Центре, если оно из случайного и временного превращалось в очевидно вынужденное и постоянное, скорее только усиливало позицию социального подчинения и препятствовало восхождению вверх по социальной лестнице.

Границы социальных делений самого Центра, — где в 70-е и 80-е годы у заповедных зон продолжали возводиться элитные резиденции номенклатуры, —

становились все более жесткими. Таким образом поддерживался высший престиж адресов в черте Садового кольца, а “пролетаризированная” часть жилого фонда вместе с его обитателями оказывалась по сути дела законсервированной как резерв “пустот” в символически ценном пространстве. Когда рыночные регуляторы расселения, легализованные с началом приватизации жилья в 1991 году, потеснили прежнюю распределительную систему, началась новая волна “обуржуазивания” Центра.

Расселение коммунальных квартир и реконструкция их для продажи (чем ныне занимаются многочисленные риэлтерские фирмы) в дополнение к обменам, происходившим и в прежние годы, когда обеспеченные семьи отдавали несколько своих жилищ за многокомнатную квартиру в Центре, ускоряет социальную конверсию “пролетаризированного” жилого фонда. Из черты Садового кольца вымываются в первую очередь низшие слои рабочего класса. Набирает силу новая тенденция — “депролетаризации” населения Центра, которую диктуют новые формы его “обуржуазивания”, действующие через конъюнктуру рынка жилья, обусловленную сложившимся дефицитом просторных престижных квартир [14]. Вопрос, возникающий в связи с этим, заключается в том, будет ли высший престиж Центра теперь многим более зависеть от заселяющих его “богатых”, чем он прежде зависел от населявших его “бедных”, если первые унаследуют от вторых престижные адреса (доступ к которым открывают теперь и деньги сами по себе), не обладая символическим капиталом, легитимирующим их экономическое господство.

Литература

1. Шульга В. А. Вопросы реализации планов комплексного экономического и социального развития крупного города (на примере Москвы) // Вопросы географии. Сб. 131. Московский столичный регион. — М.: Мысль, 1988.
2. Бодэ Б. В. Столичный центр: структура и функции // Москва 2000. Какой ей быть? — М.: Стройиздат, 1990. — С. 123.
3. Бюллетень Исполнительного комитета Московского городского Совета депутатов трудящихся. — 1974. — N 14. — С. 4-8.
4. Социальные проблемы урбанизации во Франции // Франция глазами французских социологов. — М.: Наука, 1990. — С. 201-217.
5. Трущенко О. Е. Как построить значимое для градостроительства прикладное знание о социальном составе населения микрорайона // Прогнозное проектирование и город. — М.: Институт социологии РАН, 1994. Ч. 2. — С. 277-315.
6. Бурдые П. Социология политики: Пер. с фр./ Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко./ — М.: Socio-Logos, 1993. — С. 63.
7. Правда. — 1987. — 24 октября.
8. Каким быть центру Москвы // Городское хозяйство Москвы. — 1987. — N 12. — С. 2-3.
9. Басков В. Пропадание с “лимитчиком” // Советская культура. — 1987. — 24 сентября.
10. Давидович А. Я., Косаев А. Г., Подольная М. Н. Привлечение и рациональное использование иногородних рабочих // Социологические исследования. — 1981. — N 4. — С. 123-128.
11. Трущенко О. Е. Престижный адрес: социально-пространственная сегрегация в Москве // Социологический журнал. — 1994. — N 4. — С. 121-127.
12. Советский энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1980.

13. Имена московских улиц. — М.: Московский рабочий, 1979. — С. 303.

14. Новомлинская Е. Коммуналки вновь привлекли внимание риэлтеров // Коммерсант-DAILY. — 1994. — N 201. — 22 октября. — С. 12.

Заключение

Исследование, представленное в книге, делает акцент на ретроспективе городской социальной сегрегации в Москве. Это позволяет убедиться, что исключительный престиж современного Центра Москвы обусловлен исторически, является продуктом делений и переделов столичного пространства между населяющими его социально господствующими и социально подчиненными группами, усиливается за счет процессов углубления социально-пространственной сегрегации в локальном масштабе Садового кольца. Тенденции преимущественной концентрации социально господствующих групп в пределах именно данного пространства прослеживаются с XIV века и до наших дней, они и детерминируют его высшую символическую ценность и престиж адресов, выраженные сегодня в экономических аналогах — самых высоких рыночных ценах на недвижимость и самых высоких ставках земельного налога (вводимых Московским земельным комитетом) в черте Садового кольца, сравнительно с другими районами и зонами Москвы. Эти тенденции воспроизводились в условиях революционных изменений в общественном строе и социально-классовой структуре, на фоне традиционно сохранявшейся социальной неоднородности населения в черте Земляного города/Садового кольца, вопреки процессам “пролетаризации” обитателей Центра в 70-е — 80-е годы, а именно концентрации там низших слоев рабочего

класса. В ближайшей перспективе символическая ценность места жительства в Центре как социального знака превосходства будет воспроизводиться, судя по всему, благодаря “депролетаризации” населения в черте Садового кольца, вызванной его последовательным “обуржуазиванием”.

Исторические тенденции расселения социально господствующих групп в столичном пространстве, воспроизводящие символическую ценность кварталов в черте Садового кольца, в особенности западных, обладают несомненной силой инерции. Однако живая практика расселения означенных групп всегда несет в себе возможность перемен. Для того, чтобы ответить на вопрос, сохранит ли Центр свою высшую символическую ценность и свой исключительный престиж в постсоветский период, необходимо, конечно, исследовать действие новых механизмов социально-пространственной сегрегации, обусловленных трансформацией экономических отношений, становлением рынка жилья и ослаблением государственного монополизма в жилищной политике, стратегиями частных инвестиций в муниципальные программы жилищного строительства и реконструкции. Но самое существенное заключается в том, чтобы распознать новых социальных законодателей городской сегрегации. Если в историческом прошлом ими однозначно были сначала высшие слои дворянского сословия, а потом высшие эшелоны номенклатуры, то ныне трансформация социальной структуры общества сопряжена с формированием новых господствующих групп. Самыми престижными станут адреса тех, кто сконцентрирует в своих руках символический капитал,

то есть доверие, сообщающее легитимность их социальному господству, основу которого так или иначе составляет экономическое.